

Найджел Уэст

СОВЕТСКИЙ ЗАГОВОР

Глава из книги Найджела Уэста «Поддельные шпионы Холодной войны. Истории о шпионаже - подлинные или вымышленные?».

Оригинал: Nigel West, «Cold War Counterfeit Spies: Tales of Espionage - Genuine or Bogus?», Frontline Books, 2016.

Сокращенный перевод с английского: Виталий Крюков, Киев, Украина, 2016 г.

[Прим. ред. ВС: Это первый критический анализ книги Стюарта Стивена «Операция «Раскол»» на русском языке!]

«Обыкновенному человеку, беседующему с работником разведки о какой-либо из известных операций, например, об операции «Раскол», обязательно хоть в какой-то степени покажется, что речь идет о чем-то совершенно фантастическом».

Стюарт Стивен

Внезапный конец советского блока застал врасплох многих, включая большинство спецслужб Запада. И если ЦРУ с некоторой точностью следило за экономическим крахом стран-участниц Варшавского договора, оно, несомненно, не смогло предсказать скорость, с которой Берлинской стене предстояло быть демонтированной, и оно едва ли касалось проблемы воссоединения Германии. В апреле 2001 года ЦРУ выступило спонсором научной конференции в Принстонском университете, чтобы отпраздновать рассекречивание и раскрытие для обществу тысяч документов, произведенных Управлением разведки. И в основном эти документы продемонстрировали, что хотя аналитики тщательно следили за приближающимся внутренним взрывом, они все же никогда не осознавали в полном объеме значение и результаты происходившего.

За годы, последовавшие за отстранением коммунистических партий от власти в Восточной Европе, были введены новые демократические гарантии с целью контролировать действия местных структур безопасности и разведки, и в неко-

торых странах были приняты постановления, касающиеся рассекречивания и публикации досье спецслужб прежних режимов. В Германии Комиссии Гаука была поручена задача такой каталогизации и открытия для публики обширных архивов печально известной Штази, и подобные мероприятия были предприняты в Чешской Республике, Венгрии и Болгарии. Даже Румыния и Словакия, по меньшей мере на словах, последовали принципу осуществления парламентского контроля над организациями, заменившими коммунистические секретные службы. Но именно в Польше пристальное внимание было обращено на имена, появляющиеся из архивов ненавистного вездесущего ведомства госбезопасности УВ (УБ). Был ли когда-то Лех Валенса осведомителем презираемого аппарата безопасности? Кто был ответственен за внедрение агентов в движение «Солидарность»? Кто именно в кабинете министров отдал приказ об убийстве католического священника отца Попелюшко?

Пока эти вопросы занимали современных историков, стремящихся призвать к ответу сторонников коммунистов, другие были заняты более долгосрочными исследованиями. Они, используя недавно открытые общественности архивы, пытались заново оценить точность того, что было прежде опубликовано на Западе. Среди неожиданностей были сомнения, возникшие в отношении «Операции «Раскол»», книги, которая в 1974 году намеревалась задокументировать тайные операции в Польше в послевоенную эру, написанную выдающимся британским журналистом Стюартом Стивенсом (1935-2004), позже ставшим редактором газеты «*Mail on Sunday*». (Книга в оригинале называлась «Operation Splinter Factor», буквально: «Операция «Расщепляющий фактор». На русском языке она была издана под названием «Операция «Раскол»», издательство «Эксмо», Москва, 2003 г. Настоящее имя Стюарта Стивена – Штефан Густав Коэн, он был по происхождению немецким евреем, родился в Гамбурге, и еще ребенком с родителями эмигрировал в Великобританию. – прим. перев.)

Женатый на польке, которой он посвятил книгу, Стивен долго интересовался Польшей и, полагаясь на источники, которые он никогда не называл, или на таких людей, как полковник Юзеф Святло (настоящее имя Исаак Фляйшфарб – прим. перев.), у которого он никогда не брал интервью, Стюарт Стивен обвинил Аллена Даллеса, директора Центральной разведки, назначенного на этот пост в январе 1953 года, в бессовестном плане, с помощью которого ЦРУ якобы намеревалось распространить инакомыслие в странах Варшавского договора, но который на самом деле привел к печально известным послевоенным показательным процессам в Восточной Европе. Стивен утверждал, что Даллес, который умер пятью годами ранее в январе 1969 года, тайно руководил безжалостным заговором под кодовым названием «*Расщепляющий фактор*» («*Раскол*»), пред-

назначенным для того, чтобы устранить умеренное коммунистическое руководство стран Восточной Европы. Целью этого было воспрепятствовать распространению его популярности на остальную часть континента, что могло бы заставить Францию и Италию поддаться Кремлю. Согласно автору, план этот вышел из-под контроля, и его неожиданные последствия «чуть было не превратили «Холодную войну» в «горячую», разрушили надежды целого поколения и превратили мир в раздолье для тайной полиции».

«Операция «Раскол» на многие годы уничтожила надежду на подлинный политический диалог между правителем и управляемым в Восточной Европе. Она отравила отношения восточноевропейских стран с Россией и между собой».

И Стивен действительно не проявлял сдержанности, описывая результаты этого дьявольского заговора, который якобы разработал и контролировал лично Аллен Даллес:

«Политически бесплодная, неоправданно жестокая и безусловно провалившаяся операция «Раскол» была частью той черной эпохи. Она легла уродливым пятном на честь и достоинство США и, несомненно, представляет собой одну из самых темных глав во всей истории американской дипломатии и шпионажа».

Эти резкие слова сопровождались выводом автора о том, что «операция «Раскол» показывает, насколько может быть осквернена внешняя политика государства, основанная на предположении, что справедливая цель оправдывает использование несправедливых средств для ее достижения».

Согласно Стивену, Аллен Даллес использовал полковника Свято и ничего не подозревавшего американского коммуниста Ноэля Филда для того, чтобы дискредитировать коммунистических лидеров Венгрии, Болгарии и Польши, которые затем пали жертвой показательных процессов. Не стесняясь в выражениях, автор обвинял Даллеса в ответственности за арест 100 000 человек, и в смерти тысячи других, которые были замучены и убиты. Но могло ли хоть что-то из этого быть правдой?

История Стивена основывается на том, что Юзеф Свято (в русском издании книги Стивена – Йозеф Свято), высокопоставленный чиновник печально известной польской службы госбезопасности UB, вышел на контакт с британской разведкой СИС (Секретная разведывательная служба) с целью дезертирства и побега на Запад. Но после первой секретной встречи в Варшаве с «капитаном Майклом Салливенном», офицером СИС под прикрытием, министр иностранных

дел Эрнест Бевин решил не предоставлять ему политическое убежище. Причиной этого отказа была не сомнительная репутация Святло, а разочарование Бевина в СИС. Вместо этого резидент СИС в Вашингтоне, округ Колумбия, получил инструкции передать Святло на связь американцам, но не ЦРУ, а лично Аллену Даллесу, который в то время работал адвокатом в Нью-Йорке. Затем по распоряжению Даллеса в Варшаву отправили «специального курьера, чтобы начать переговоры с этим поляком», и когда тот согласился остаться в Польше и шпионить для американцев, был активизирован «самый успешный западный агент в истории Холодной войны».

Юзеф (Джозеф) Святло (1915-1994)

Самое первое сообщение, отправленное Святло в Вашингтон, предлагало, что «можно причинить большой ущерб партии и ее авторитету в стране в целом», если «Ноэля Филда, как американского агента», можно было бы продемонстрировать в качестве человека, «активно сотрудничавшего» с определенными коммунистическими руководителями. Даллес воспользовался случаем, и «звено Святло – Филд должно быть так закручено, полагал Даллес, чтобы с его помощью можно было бы разорвать на части Советскую империю».

В соответствии с этим Святло был активизирован, хотя он «был очень удивлен, когда ответ, которого он ждал, был доставлен ему лично его старшим американским начальником». Его инструкции состояли в том, что «он должен повсюду находить «шпионов», разоблачать высших партийных лидеров как американских агентов, и сами американцы будут снабжать его необходимыми доказа-

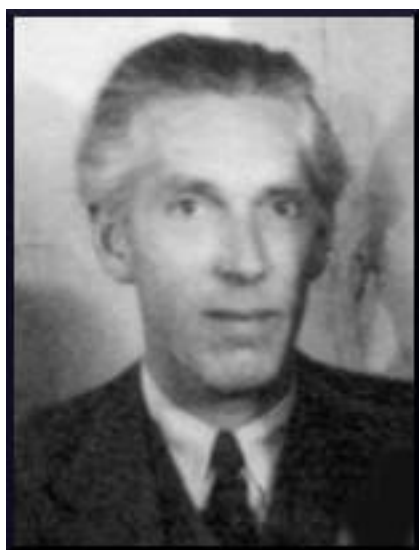
тельствами. Он раскроет крупный троцкистский заговор, финансируемый США, охватывающий все страны в Русской империи сателлитов. Он докажет, что титоизм свил гнездо не только в Польше, но и в Венгрии, Болгарии, Чехословакии, Румынии и Восточной Германии. Он доложит самому Берии, что в центре этого заговора связующим звеном между предателями и Вашингтоном является человек по имени Ноэль Хэвиленд Филд, о котором Берии следует сказать, что он является самым важным американским разведчиком в Восточной и Западной Европе. Он покажет, как Филд провел наиболее успешную американскую шпионскую операцию в период Второй мировой войны, используя унитариев в качестве прикрытия. Он доложит, как Филд использовал свое положение для привлечения к себе коммунистов и их последующей вербовки в качестве агентов. Он раскроет, что уже после окончания Гарвардского университета Филд стал работать на американскую разведку, выдавая себя за сочувствующего или члена коммунистической партии. Он выявит, что после войны Филд внедрил своих агентов на высокие партийные и правительственные посты в восточноевропейских странах. Причем все это было сделано настолько быстро, что важные должности были захвачены до того, как лояльные Москве деятели смогли показать свои силы. Он доложит и покажет, как даже в настоящее время проводятся мероприятия с целью усилить прикрытия Филда. Например, проводимое сенатом расследование является мистификацией, цель которой – помочь Филду обосноваться в Восточной Европе. В целом он должен доказать, что Ноэль Филд развернул деятельность, направленную на разрушение всего советского блока, и что, более того, он опасно близок к достижению цели».

Итак, мы видим здесь начальника американской разведки Аллена Даллеса, сознательно жертвующего Ноэлем Филдом в соответствии с планом, целью которого было впутать определенных умеренных коммунистов и тем самым вызвать дикую реакцию со стороны Сталина. И все это в надежде на провоцирование народного отвращения, и, возможно, контрреволюции. Чтобы помочь честолюбивой схеме Свято, Даллес разыграл еще две козырные карты, это были советские шпионы, работавшие под американским и британским контролем. Первым, «имя которого все еще нельзя называть по причинам государственной безопасности, был «резидент и двойной агент ЦРУ».

«В результате русские задействовали своего агента, внедренного в аппарат ЦРУ. Его имя все еще не может быть названо по соображениям государственной безопасности. Он служил офицером одного из отделов штаба ЦРУ в Вашингтоне. Русские считали его своим агентом, однако еще в середине 30-х годов, будучи младшим чиновником государственного департамента, он немедленно информировал свое руководство о сближении с советским агентом. С тех пор он посто-

янно тщательно инструктировался американской стороной. Он никогда преднамеренно не поставлял России ложную информацию. Его всеми мерами оберегали от действий подобного рода».

Задача этого двойного агента, когда его советский контролер попросил его об информации о Ноэле Филде, состояла в том, чтобы дать ответ. «Его донесение подверглось строгой редакции, и было сформулировано в осторожных выражениях», но подразумевало, что Филд определенно был информатором ЦРУ. Поэтому «его донесение произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Оно стало потому особенно убедительным, что не было именно точным. У Советов почти не осталось сомнений в том, что Филд – американский агент».

Ноэль Филд (1904-1970)

Вторая уловка Даллеса состояла в том, чтобы использовать «англичанина по имени Хэтэуэй» (в русском издании книги – «Хатавей»), который работал на генерал-лейтенанта Федора Белкина, одного из самых высокопоставленных офицеров советской разведки, и был одним из его регулярных осведомителей. Предположительно Хэтэуэй, также действующий как двойной агент, был проинструктирован сказать Белкину во время посещения им Австрии, что люди СИС и ЦРУ поссорились из-за действий человека по фамилии Филд:

«Генерал-лейтенант Федор Белкин, низкорослый, с бычьим затылком, начальник управления МГБ по Юго-Восточной Европе, возглавлявший советскую тайную полицию в Венгрии, Австрии, Германии, Чехословакии, Польше, Румынии,

Болгарии и Албании, был избран ЦРУ как человек, который должен нанести окончательный удар. Прибыв с визитом в Вену, он встретился с англичанином по фамилии Хатавей, являвшимся одним из его постоянных информаторов. Последний сообщил, что сотрудники Интеллидженс сервис (СИС) и ЦРУ повздорили между собой из-за деятельности человека по фамилии Филд, который, как заявил Хатавей, переманивает оперативных работников Интеллидженс сервис в ЦРУ, предлагая им больше денег, чем могут позволить себе англичане. Таким образом он, например, разрушает сеть Интеллидженс сервис в Чехословакии».

Белкин, описанный в книге как «возглавлявший советскую тайную полицию в Венгрии, Австрии, Германии, Чехословакии, Польше, Румынии, Болгарии и Албании» со своей «информацией» о Филде быстро «полетел в Москву для консультации с Берией, а также для получения заключительных указаний от Сталина, который лично был вовлечен в это дело. Ведь Филд был не только шпионом, но, безусловно, главой ужасного англо-американо-югославского заговора, направленного на разрушение коммунистического блока. Сталин провозгласил, что нет ничего более важного, чем уничтожение Филда и контролируемого им змеиноного гнезда. Белкин получил полную свободу для достижения этой цели».

Так Сталин, Берия и Белкин, все клюнули на уловку Даллеса и были спровоцированы, опираясь на поддельные доказательства, начать еще одну безумную чистку, которая избавит Восточный блок от умеренного партийного руководства.

Так кем же был Ноэль Филд? Он родился в Лондоне в семье американцев, живших в Цюрихе, где его отец был психиатром. Филд закончил Гарвард и в 1926 году поступил на службу в Государственный департамент, где он сдружился с Алджером Хиссом и Лоуренсом Даггеном. Оба они, конечно, уже были активными советскими агентами и, согласно его бывшему советскому контролеру, Филд также работал шпионом во время этого периода. После десяти лет в Государственном департаменте и вопреки пожеланиям его контролера, Филд переехал в Женеву, чтобы работать на Лигу Наций, и во время своего нахождения там он в некоторой степени оказался вовлеченным в заговор с целью убийства Игнаца Рейсса, видного советского нелегала, ставшего невозвращенцем.

Как многие другие важные советские организаторы разведки, Рейсс пал жертвой сталинских чисток, но вместо того чтобы повиниться приказу об отзыве в Москву, он скрылся в Швейцарии, однако был заманен в ловушку и встретил своих убийц в Лозанне в сентябре 1937 года. Именно в этот момент, после интенсивного швейцарского полицейского расследования, Филд утратил свое зна-

чение для НКВД, и его как бы бросили плыть по течению. Однако, как идеологически убежденный человек, Филд никогда не терял свою веру и даже поехал в следующем году в Москву, как турист.

После возвращения из Советского Союза Филд был отправлен в Перпиньян, чтобы заняться помощью беженцам. Этот город в то время был переполнен испанцами, сбежавшими от ужасов Гражданской войны в Испании, и в октябре 1940 года Филд покинул Лигу Наций, чтобы продолжить свою работу для Унитарного Сервисного комитета в Марселе (Unitarian Service Committee, американская благотворительная организация, оказывавшая помощь беженцам, преимущественно унитариям, а также евреям, бежавшим от нацизма, основана в 1940 году – прим. перев.). Ему пришлось сбежать в Швейцарию в октябре 1942 года, когда нацисты расширили свою власть во Франции, взяв под свой контроль не оккупированную прежде зону Виши. Но к тому времени Филд установил контакт с остатками подпольной ячейки компартии Германии (КПГ), и с Алленом Даллесом, представителем Управления стратегических служб (OSS) в Берне. Безотносительно точного характера его тайной деятельности курьера для OSS и КПГ, Филд во время этого периода должен был фактически «заразить» каждого коммуниста, с которым он вступал в контакт. И когда он поехал в Прагу в начале мая 1949 года, чтобы попытаться найти должность в Карловом университете, он был арестован и отвезен в Будапешт для допроса.

Самому Филду пришлось оставаться в одиночном заключении в тюрьме венгерской коммунистической спецслужбы AVH, без предъявления обвинений, но подвергаясь частым допросам, до ноября 1954 года, когда он был освобожден - без объяснений. Тем временем венгерский министр иностранных дел Ласло Райк был арестован, обвинен в том, что он советский шпион (так у автора, на самом деле «американский шпион»), был признан виновным на показательном процессе, и повешен. Та же самая судьба ожидала Трайчо Костова, заместителя премьер-министра Болгарии, и даже первый секретарь польской коммунистической партии Владислав Гомулка был брошен в тюрьму. Но нитью, соединяющей этих трех человек, было утверждение, содержащееся в их отдельных обвинительных актах, что каждый из них был завербован и управлялся от имени OSS Филдом, описанным как «один из руководителей американской шпионской службы», возглавляемой Алленом Даллесом. Даже Рудольф Сланский, который сам как влиятельный секретарь чешской коммунистической партии руководил чистками в Чехословакии, был арестован, обвинен в шпионаже и казнен.

На самом деле, конечно, Сланский, как и Райк, и Гомулка демонстрировали слишком большую независимость от Москвы, и пали жертвой паранойи Сталина.

И вероятно, что Филд выжил, чтобы быть освобожденным спустя двадцать месяцев после смерти Сталина в марте 1953 года, только потому, что, как его жена Герта и брат Герман, он имел американский паспорт. Филд действительно помог Райку вернуться в Венгрию в 1943 году, устроив его побег из лагеря для интернированных во Франции, несомненно, с помощью OSS. Но маршрут бегства Райка через Югославию послужил для того, чтобы скомпрометировать его, когда четыре года спустя Тито дистанцировался от Сталина, и комбинации связей с OSS, Филдом и югославами стали считаться очень подозрительными.

Десятки других коммунистов в Чехословакии, Восточной Германии и Польше, кому Филд предоставлял помощь во время войны, оказались «зараженными» и подверглись чистке. Некоторые из них пережили годы заключения и *Гулага*, многим другим повезло меньше.

Спустя три месяца после того, как Ноэль Филд исчез в Праге, его брат Герман, тогда живший в Варшаве, отправился в поездку, чтобы найти его, но он добрался только до аэропорта Окенце (в настоящее время варшавский международный аэропорт имени Шопена – прим. перев.), где он был арестован UB. Жена Ноэля Филда Герта, которая ждала прибытия Германа в Прагу, была сбита с толку тем, что Герман так и не прилетел. Позже в августе 1949 года она также была арестована чешской полицией и отправлена в Будапешт, где ее посадили в тюрьму, изолированно от ее мужа. Герман оставался в заключении в подвальной камере в Медзышине, секретной тюрьме UB в окрестностях Варшавы, до ноября 1954 года. Его выпустили только за несколько дней до того, как его брат и невестка были освобождены в Будапеште. Герман быстро полетел в Цюрих, но Ноэль и Герта захотели получить политическое убежище в Венгрии. Очевидно, пережитое их не испугало. На решение Филдов постоянно поселиться на холме Шашхедь (Орлиная гора) с видом на Будапешт, возможно, среди прочего, повлияло рвение ФБР допросить их об их связях с компартией США.

После окончания войны его друг Алджер Хисс был признан виновным в лжесвидетельстве, поскольку он лгал о своей шпионской деятельности, Лоуренс Дагген совершил самоубийство, выбросившись из окна своего офиса на Мэдисон-Авеню в декабре 1948 года - он в то время находился под следствием ФБР. И многочисленные бывшие члены компартии США доносили на Ноэля Филда как на шпиона, который выдавал тайны Государственного департамента. Филд хорошо знал, что ФБР очень интересовалось им, потому что, когда он в 1949 году попытался продолжить срок действия своего американского паспорта, ему продлили этот срок только на короткое время и сообщили, что этот документ пригоден только для возвращения назад в Соединенные Штаты. Филд, должно быть, знал,

что бывший курьер американской компартии Дж. Б. Мэтьюс, назвал Филда попутчиком коммунистов, свидетельствуя перед Комитетом Диеса в ноябре 1938 года, и возможно, что другой осведомитель ФБР Уиттакер Чэмберс также сообщил американским властям о его деятельности. Но Филд не знал, что он был также положительно идентифицирован как советский шпион перебежчицей Хедде Массинг в 1947 году, а у нее была возможность много знать о его шпионаже, потому что она первой завербовала его. Хедде Массинг и ее муж Пол (Пауль) были перед войной советскими нелегалами, но, разочарованные жестокими эксцессами Сталина, порвали с партией и согласились сотрудничать с ФБР, которому Хедде Массинг и идентифицировала Филда как одного из их главных источников. Однако ввиду того, что Филды остались за границей, вне юрисдикции ФБР, оно было бессильно преследовать их.

Во время его заключения в Будапеште Филда подвергали перекрестному допросу многочисленные следователи, но одним из самых жестоких среди них был полковник Юзеф Святло, чиновник польской тайной полиции UB, который арестовал его брата Германа в варшавском аэропорту, и который поехал в Венгрию, чтобы допросить самого Филда. Даже по стандартам UB Святло был безжалостным человеком с ужасающей репутацией. Как заместитель начальника вызывающего ужас Десятого отдела, он арестовал генерального секретаря польской компартии Владислава Гомулку. Ничто из этого, возможно, не стало бы достоянием общественности, но в начале декабря 1953 года, находясь в официальном визите в Восточный Берлин, Святло воспользовался случаем, чтобы перейти на сторону ЦРУ. Затем в конце сентября 1954 он объявил на пресс-конференции в Вашингтоне, что намеревался продемонстрировать истинный, политический характер показательных процессов, которые были проведены по всей Восточной Европе. Не зная о том, что прозвищем Святло было «мясник», ЦРУ спонсировало его, чтобы он мог вещать на Польшу по Радио «Свобода» («Свободная Европа» - прим. перев.). Его очень подробные разоблачения, как полагали, были чрезвычайно эффективны, поскольку польский режим был ошеломлен, узнав о пагубных действиях UB. Десятый отдел Святло был ответственен за поддержание партийной дисциплины, и это давало ему право шпионить за большинством высших должностных лиц в стране. Неудивительно, что радиопередачи Святло оказали разрушительное воздействие, поскольку все его слушатели признали подлинность его замечаний.

(Нельзя не заметить, что американцы использовали одного из видных коммунистических палачей польского народа не только как источник информации, но и в качестве рупора антикоммунистической пропаганды, разоблачавшего коммунистический режим и призывавшего поляков бороться за свободу. Можно по-разному относиться к другим

перебежчикам из стран Советского блока, но ни советские перебежчики Гордиевский, Резун, Лялин, Шеймов, Кузичкин, Левченко, ни чех Биттман, румын Пачепа, поляк Голленевский, восточный немец Штиллер и другие, ни разоблаченные и расстрелянные Попов, Пеньковский, Поляков не принимали участия в массовых репрессиях против своих народов, и на них не было крови. В этом отношении Святло можно сравнить, пожалуй, с Генрихом Люшковым, руководившим массовыми репрессиями на Дальнем Востоке, и сбежавшим к японцам в 1938 году. – прим. перев.)

Вне зависимости от результатов этих радиопередач Ноэль и Герта Филд должны были быть освобождены, и им даже выплатили компенсацию, в течение нескольких недель после разоблачений Святло, подтвердившего, что он лично допрашивал их в Будапеште, где они были заключены в тюрьму. До того времени чешские, польские и венгерские власти уверяли, что ничего не знают о том, что, возможно, произошло с тремя членами семьи Филда. Однако, как только Святло раскрыл правду, все три правительства были вынуждены признать, по крайней мере, что это трио находилось в тюрьме.

Интерпретация Стивеном этих событий замечательна, поскольку он утверждал, что Святло, когда он начал операцию «Раскол», действовал в соответствии с инструкциями ЦРУ, и что это Даллес задумал всю эту коварную хитрость, которая вышла из-под контроля с такими страшными последствиями. К сожалению, два основных действующих лица драмы, Филд и Даллес, оба были мертвы, когда Стивен написал свою книгу. Даллес умер в 1969 году, а Филд, здоровье которого так никогда полностью и не оправилось после тюрьмы, умер тремя годами позже. Что касается Святло, умершего в США в 1994 году, то у него Стивен никогда не брал интервью. Автор, кажется, положился на показания этого перебежчика перед Комитетом Конгресса США в сентябре 1954 года, чтобы составить его биографию.

Странно, потому что, если поверить Стивену, то Святло не только лгал в своих показаниях Конгрессу, но и не стал упоминать о том, что он был агентом ЦРУ больше трех лет перед своим побегом на Запад. Возможность того, что это было правдой, кажется очень небольшой, особенно если подумать о том, что часть огромной ценности Святло для ЦРУ составляло его разоблачение того, что продолжительной операцией, так называемым польским движением за свободу и независимость, известным под польским сокращением WIN, на самом деле управлял УВ. Организована эта операция была из Нюрнберга, где сотрудник ЦРУ Тед Шекли набирал агентов-добровольцев из соседнего «Кэмп-Валка», лагеря для перемещенных лиц, насчитывавшего до 20 000 обитателей, главным образом из Восточной Европы. Шекли вооружал и обучал их для проникновения

домой, на протяжении всей операции не догадываясь, что в весь этот проект проникли агенты противника, и что на польской территории все контролировал вездесущий UB.

Полностью обманутое, ЦРУ направляло ресурсы в WIN вплоть до того момента, как Святло доказал, что вся операция была не чем иным как сложным обманом, которым управляют из Варшавы. В течение двух лет оружие, деньги, боеприпасы и радиостанции сбрасывали с самолетов для тех, кто, как ошибочно полагало ЦРУ, были подпольным движением сопротивления, не подозревая, что всей организацией с самого начала управляли коммунисты. Фиаско WIN должно было стать огромным конфузом для ЦРУ, но если Святло, знавший о проекте, работал на ЦРУ с 1949, почему же он тогда все время молчал об этом? Очевидное объяснение состоит в том, что в действительности Святло не дезертировал и не вступал в контакт с ЦРУ до 1953 года. И это полностью соответствует тому, что он сам говорил в своих показаниях под присягой перед Конгрессом.

Так на кого тогда еще полагался Стивен, который утверждал, что он, мол, «был особенно хорошо квалифицирован, чтобы отделить правду от вымысла», для своей удивительной информации? Автор пишет, что говорил с «бывшими членами ЦРУ», у которых нет «никакого желания видеть свои имена в печати», с «бывшими сотрудниками восточноевропейских служб безопасности и вооруженных сил, которые перешли на сторону Запада» и не могут быть названы по имени из опасений того, что «КГБ однажды позвонит им в дверь и отомстит». Он также беседовал «с нынешними правительственными чиновниками и служащими государственных организаций на Западе», которые «рискнут потерять свои рабочие места, если их имена будут обнародованы» и наконец, с «нынешними правительственными чиновниками в восточноевропейском блоке», которые «пожелали остаться анонимными». Таким образом, книга Стивена не содержит ни одного идентифицированного источника, чтобы можно было проверить те ужасные обвинения, которые он бросает в адрес Аллена Даллеса, Юзефа Святло и ЦРУ.

В отсутствие любых названных по имени свидетелей стоит поподробнее рассмотреть некоторые из утверждений, содержащихся в «Операции «Раскол»». Например, участвовала ли британская разведка СИС в таком плане? Стивен делает три утверждения, которые поддаются проверке. Во-первых, он пишет, что Святло обратился к британцам и связался с «капитаном Майклом Салливенном», прежде чем его предложение дезертировать было подхвачено ЦРУ. Во-вторых, что СИС управляла источником по имени «Хэтэуэй», который находился на свя-

зи с генералом Белкиным, и, в-третьих, что резидент СИС в Вашингтоне в 1949 году принял предложение Святло и передал его прямо Даллесу в Нью-Йорке.

Подробное исследование фигуры капитана Майкла Салливена, «руководителя операций Секретной разведывательной службы в Польше» разъясняет многое. Стивен описывает его достаточно детально:

«Во многих отношениях Салливен (это почти наверняка не было его настоящим именем) был типичным представителем своей профессии. Он получил традиционное образование: незначительная государственная школа, Кембриджский университет, служба в армии, а во время войны – работа в SOE (Управление специальных операций). Его перевод в СИС произошел благодаря всего лишь одному обстоятельству: он бегло говорил по-польски. Его отец был бумажным фабрикантом и вел дела почти исключительно с поляками. В связи с этим он сам выучил польский язык и настоял на том, чтобы на нем разговаривали дома. В результате Салливен получил квалификацию специалиста в области восточноевропейских языков. Но Интеллидженс сервис связывала с ним более важные планы. С начала 40-х годов английская разведка полагала, что поражение Германии, возможно, приведет к еще большей войне с Россией из-за Польши. И поэтому Салливена держали в стороне от поляков с тем, чтобы он никоим образом не был бы перед ними скомпрометирован.

Как только Польша была освобождена, Салливен прибыл туда в качестве главы английской службы по оказанию помощи. Используя свое официальное положение в качестве прикрытия, он создал одну из самых сложных и хорошо организованных сетей политической разведки из действовавших в то время в мире».

Начиная с 1945 года, Салливен действовал как разведчик-нелегал, поддерживая контакт с легальным резидентом, который базировался в британском посольстве в Варшаве. Стивен не объясняет его звание «капитан», которое при нормальных обстоятельствах могло быть или военным, или военно-морским. Однако ни один род войск не позволяет своему персоналу использовать это звание в гражданской жизни, если только эти люди не служили, получив это звание официально, и в любом случае военнослужащие регулярных вооруженных сил не используют свое звание, если оно ниже звания майора. Соответственно, единственное возможное объяснение состоит в том, что Салливен был регулярным военно-морским офицером и получил звание капитана еще до того, как он присоединился к SOE, карьера, которая была бы довольно уникальна для этой организации.

Можно было бы подумать, учитывая очень подробную природу этого описания, что было бы легко подтвердить существование Салливена, или найти его настоящее имя, если фамилия «Салливен» была псевдонимом (этот момент Стивен оставляет спорным), но ни один такой человек никогда не существовал. Только один сотрудник СИС в первые послевоенные годы бегло говорил на польском языке (глава польской секции СИС, Уилфред Дандердэйл, свободно говорил по-русски), и Гарольд Перкинс работал в польской секции SOE, сотрудничавшей в течение войны с поляками в эмиграции, прежде чем он был передан южной итальянской базе СИС в Бари, чтобы работать на Адриатике. Короче говоря, Перкинс - единственный человек, который хотя бы отдаленно похож на описание «Салливена», но они не могли быть одним и тем же человеком. Если так, то откуда Стивен узнал о «Саллиvene»? Согласно его примечаниям об источниках, автор утверждает, что эта информация пришла к нему от «бывшего сотрудника ЦРУ», который может нести ответственность за ее неотъемлемое неправдоподобие.

Но даже если «Салливен» был вымыслом, то что можно сказать относительно утверждения, что единственный человек, работающий под неофициальным прикрытием в Польше, создал огромную разведывательную сеть сразу после войны? Это тоже просто никогда не происходило, и местными источниками руководили из «легальной» резидентуры СИС в посольстве в Варшаве. Согласно Стивену, Свято использовал посредника, чтобы связаться с «легалом», чтобы устроить randevu, и этот высокопоставленный офицер СИС, защищенный дипломатической неприкосновенностью, перепоручил встречу с сотрудником UB Саллиvenu, который, конечно, не обладал такой защитой и был бы чрезвычайно уязвим. Мысль о том, что какая-либо разведывательная организация рекомендовала бы такую безрассудную процедуру, просто не укладывается в голове, как и опасная природа договоренности, когда известный чиновник UB настаивал на том, что он «не станет встречаться ни с кем, кроме самого резидента».

Очевидно СИС, понимая, что «возможность того, что Советы устроили ловушку, казалась непропорционально большой», получила некий страховой полис. Если бы Салливен был арестован, его руководители в Лондоне «схватили» бы некоего активного [советского] агента, которого они заранее подобрали, и обменяли бы его на Салливена, если бы все пошло не так».

Но можно ли назвать этот сценарий действительно вероятным? Во-первых, понятие «обмена шпионами» не появилось, пока Фрэнсис Гари Пауэрс, американский летчик со сбитого русскими самолета-разведчика U-2, не был обменен на Рудольфа Абеля (Вильяма Фишера) в 1961 году. Что касается Великобритании,

то единственная подобная сделка была устроена в 1964 году, с освобождением шпиона КГБ Гордона Лонсдейла (Конона Молодого) в обмен на заключенного в советскую тюрьму курьера СИС Гревилла Винна. Таким образом, любая уверенность в таком соглашении в 1949, кажется, была несколько преждевременной.

Однако действительно ли верно то, что у СИС была такая козырная карта в рукаве, и был ли в Великобритании такой шпион, активно действовавший в 1949 году, которого Советы постарались бы вернуть в Москву? Единственный способ проанализировать эту проблему состоит в том, чтобы рассмотреть расследования случаев шпионажа, которые в то время проводились в Англии, и исследовать британские и советские архивы, чтобы увидеть, существовали ли шпионы, активные в это время, против кого, по каким-то причинам, никогда не предпринимались никакие меры. В 1949 году главную озабоченность британской службы контрразведки МИ-5 вызывал советский шпион под агентурным псевдонимом первоначально *Рест* и позже *Чарльз* в проекте «*Venona*» (программа контрразведки на основе данных расшифрованных советских донесений). Вот только он не был идентифицирован как атомный физик Клаус Фукс еще много месяцев после этих событий, и арестован он был лишь 2 февраля 1950 года. Поэтому он никак не подходит к тому, чтобы быть тем самым «схваченным» шпионом. Также не было никаких других судебных приговоров по шпионским делам в течение нескольких лет до и после 1949 года, за единственным исключением Уильяма Маршалла, действия которого не были раскрыты МИ-5 до 1952 года, да и тогда только случайно. Маршалл, младший служащий Службы дипломатической беспроводной связи был замечен в Лондоне в компании подозреваемого советского агента Павла Кузнецова, который действовал под дипломатическим прикрытием в посольстве.

(Diplomatic Wireless Service - служба, занимавшаяся радиосвязью между МИД Великобритании и британскими посольствами создана в 1945 году. Ее преемником является Центр связи Правительства Ее Величества – прим. перев.)

Маршалл был впоследствии признан виновным в нарушении закона о государственных секретах, а Кузнецов был выслан из Великобритании, но никто из этих людей не подвергался расследованию в 1949 году. Соответственно, утверждение, что у СИС был кто-то, кем можно было бы торговаться в обмен на Салливена, если бы тот был арестован, вызывает очень большие сомнения.

Есть и некоторые другие необычные аспекты в рассказе Стивена об измене Святло. Например, Стивен утверждает, что в результате их встречи на скамье ночью зимой в центре Варшавы Салливен написал донесение о Святло, в кото-

ром он говорил, что этот работник UB «располагал материалами не только сенсационными, но и самыми свежими. Он имел доступ к сверхсекретным архивам, пользовался доверием высшего руководства», но он также утверждал, что решение дезертировать было принято им почти поспешно, «под влиянием момента» поскольку он был отчаявшимся человеком, разочарованным неосуществленными амбициями, и с верой, что система, за которую он боролся всю свою жизнь, была окончательно и непоправимо испорчена:

«Причины, которые он изложил Саллиvenu, были классическими: он стал коммунистом по искреннему убеждению, однако медленно и постепенно осуществление коммунистических идей, сопровождавшееся насилием над человеческой личностью, сначала поразило его, а в конце концов внушило ему отвращение. Разочарование уступило место отчаянию, и сейчас его единственное желание – перейти на Запад и бороться за дело свободы. Он понимал, что его страна стала всего лишь сателлитом Советского Союза, а польские лидеры всего лишь марионетки в руках своих русских хозяев. Такое объяснение было правдоподобным, поскольку Свято был в высшей степени преуспевающим молодым человеком. Совершенно очевидно, он мог скорее потерять, чем выиграть, если лишится своего влиятельного поста, не имея в перспективе гарантированного будущего на Западе».

Очевидно идеологически преданный человек, Свято рекомендовал расследовать деятельность одного из членов Центрального комитета партии – Якуба Бермана, но это предложение было отвергнуто президентом Болеславом Берутом: «вместо того чтобы отдать распоряжение расследовать справедливость обвинений, высказанных Свято, президент Берут приказал арестовать одного из главных информаторов последнего и порекомендовал Свято держать язык за зубами».

Это сложное объяснение, кажется, едва ли заслуживает описания поспешного решения «под влиянием момента», но действительно странным в отчете Салливена о «неоценимой находке - мечте разведчика» является то, что министр иностранных дел Эрнест Бевин не был всем этим впечатлен и отклонил Свято. Стивен настаивает, что Бевин отверг рекомендацию СИС, и с презрением «подверг ожесточенной критике методы английской разведки в Восточной Европе, назвав их совершенно непригодными и бесполезными. Как он заявил, страны-сателлиты потеряны для Запада; вести политическую разведку в таких столицах, как Варшава, Будапешт и Бухарест, – это значит напрасно терять время».

Стивен отмечает, что, «выводя СИС из Восточной Европы, он непоправимо ослабил всю организацию. У англичан не было достаточного опыта, чтобы действовать быстро и эффективно всюду, а они начали расставлять свои сети в слишком большом районе, располагая ограниченными средствами».

Это описание представляется в значительной мере противоречащим репутации Эрнеста Бевина, одного из любимых в СИС министров иностранных дел, который очень поощрял усилия этой организации подорвать коммунизм в Восточной Европе, и, вероятно, лучше всего был известен тем, что уполномочил своего заместителя Кристофера Мэйхью контролировать создание информационно-исследовательского отдела, специализированного подразделения, предназначенного для противоборства пропаганде Москвы. Далекий от того, чтобы быть скептическим по отношению к СИС, Бевин был большим энтузиастом этой организации, всегда объясняя ее достоинства и поощряя многочисленные рискованные операции. Учитывая, что Бевин фактически *расширил* действия СИС в Восточной Европе, и, конечно, никогда не выводил ее из этого региона, действительно ли вероятно то, что он мог отвергнуть Свято, как это предполагает Стивен?

Эрнест Бевин (1881-1951)

Фон для решения министра иностранных дел в таких вопросах следует понимать в его политическом и историческом контексте, и хотя Стивен старается произвести впечатление, что в то время Уайтхолл был наводнен запросами «сотен

незначительных чиновников», правда состоит в том, что между 1945 и 1971 годами Великобритания приняла только одного единственного советского перебежчика из разведки - Григория Токаева. (Григорий Токаев (Токати, 1913-2003), осетин по происхождению, ученый и инженер, специалист по авиации и ракетам, занимался в оккупированной Германии научно-технической разведкой. Его побег был даже упомянут Яном Флемингом в романе «Из России с любовью» - прим. перев.)

Кроме его одного еще по одному человеку приняли Канада (Игорь Гузенко) и Австралия (Владимир Петров) соответственно. Почти все остальные уехали в Соединенные Штаты, и они неизменно утверждали, что Великобритания была опасна для перебежчиков, поскольку в ее аппарат безопасности и разведки проникло много советских агентов. При таких обстоятельствах приз с ценностью Святло, «одного из самых важных сотрудников разведки современной истории» был бы огромной удачей, и утверждение, что министр внутренних дел Герберт Моррисон решил, что «таких перебежчиков слишком много», и отказал в разрешении принять Святло, явно абсурдно. Такие решения, конечно, не принимались министром внутренних дел, как утверждает Стивен. Да и случаи перебежчиков из иностранных разведок считались очень важными новостями, и этим людям оказывали максимальную поддержку. Короче говоря, СИС обязательно ухватилась бы за возможность заполучить такую добычу, и шеф СИС сэра Стюарт Мензис (это принятое в русскоязычной литературе написание, хотя правильно эта шотландская фамилия звучит как «Мингис» - прим. перев.) лично побеседовал бы со своим госсекретарем по такому важному вопросу.

Так, но если «капитан Майкл Салливен» - вымысел, то что можно сказать относительно «резидента - двойного агента ЦРУ», упомянутого Стивеном как «Агент Х», чье настоящее имя все еще должно было храниться в секрете в 1974 году? Это особенно невероятный сценарий, потому что в то время отдел контрразведки ЦРУ, возглавляемый Джеймсом Энглтоном, очень опасался любых контактов между персоналом ЦРУ и его советскими противниками. Согласно Стивену, «Агент Х» был завербован Советами, когда он был «мелким чиновником Государственного департамента в середине тридцатых», и к 1949 году переключился на ЦРУ и работал референтом в центральном штабе. Но мог ли там действительно быть какой-то человек с таким профилем? Разумеется, существовали советские шпионы, активно действовавшие в Государственном департаменте в 1930-х, и расшифровки «Веноны» доказали, что Лоуренс Дагген, например, был шпионом под псевдонимом *Шервуд*, а Алджер Хисс появлялся в текстах как источник, известный как *Алес*.

Но произошло также и то, что двое из советских шпионов, ответственных за работу с такими агентами в Вашингтоне, Хедде Массинг и Элизабет Бентли, сотрудничали с ФБР и раскрыли членов своих сетей. Эти женщины не упоминали никого, кто соответствовал бы «Агенту X», и, кажется, что такого человека не было в расшифровках *Venona*, так возможно ли, что такой человек на самом деле существовал? Мало того, что это является слишком уж невероятным, но и, начиная с конца Холодной войны и открытия для общественности некоторых советских архивов, не появился даже намек на такого шпиона. Что касается идеи о руководстве такой опасной операцией с двойным агентом из штаба ЦРУ, то такое предположение, конечно, ново, и если бы это действительно произошло, то к концу двадцатого века это было бы хорошо задокументировано. В то время как трудно вообразить ЦРУ, предпринимающее такой проект в 1949 году, так же трудно представить, что всегда бдительные русские клюнули бы на такое жульничество.

В общих чертах можно сказать, что, поскольку Стивен ошибочно пишет имя шефа СИС как «Sir Stuart (а не Stewart) Menzies», к его комментариям об этой организации следует относиться с не меньшим недоверием, да и сам Святло отрицает любой свой контакт с СИС. Предположение, что Святло сначала якобы выбрал британцев, является, конечно, странным, потому что, как мы теперь знаем, и Святло обязан был знать в то время, всю сеть СИС в Польше в 1949 году эффективно контролировала служба польской госбезопасности UB, которая проникла в нее на всех уровнях.

Сэр Стюарт Мензис (1890-1968)

И действительно ли СИС руководила неким надежным источником, который находился на связи с генералом Белкиным? Проблема с этим сценарием состоит в том, что после выхода книги Стивена появилось намного больше информации о Федоре Белкине.

Белкин действительно был советником советского МГБ в юго-восточной Европе и руководил командой из сорока следователей, которые подготовили арест Филда и показательные процессы по инструкциям из Москвы. Он также лично контролировал допрос Райка, который первоначально отказывался признать свою вину, но, по словам Яноша Кадара, министра, тогда отвечавшему за АВО, у которого взяли интервью после краха советской системы в Венгрии в 1989 году, Райка убедили участвовать в показательном процессе взамен на обещание, что ему и его семье сохранят жизнь. Убежденный в том, что эта шарada была на благо дела, и она поможет скомпрометировать Тито, Райк согласился на уловку, но только для того, чтобы оказаться обманутым и погибнуть на виселице. Примечательно, что и самому Белкину тоже суждено было стать одной из жертв Сталина, и он погиб, когда его обвинили в том, что он работал на британские и сионистские разведывательные службы. Это произошло в разгар сталинского «Дела врачей», когда Сталин начал дикую кампанию антисемитизма во всей Восточной Европе. Эта очень важная деталь не была изучена до публикации «Показательных процессов» Джорджа Хороса, и поэтому была недоступна Стивену, когда он писал «Операцию «Раскол»».

С такой версией Стивена, где истинная роль Белкина в так называемом заговоре Филда была так неправильно понята, вероятно, что «Хэтэуэй» является в той же мере «поддельным». Наконец, есть еще любопытное утверждение, будто бы СИС предложение Святло о переходе на сторону Запада передала Даллесу. Это странное заявление, потому что главой резидентуры СИС в Вашингтоне в то время, с 1949 по 1951 год, был Ким Филби, который сам являлся опытным советским «кротом».

Еще в сентябре 1945 года Филби получил от офицера ГРУ полковника Константина Волкова предложение дезертировать на сторону англичан (ошибка автора, Волков служил не в ГРУ, а в госбезопасности – прим. перев.). Волков в то время работал под консульским прикрытием в Стамбуле. Когда Филби поручили деликатную задачу ведения переговоров о сроках и обеспечении безопасного прибытия Волкова на Запад, он немедленно сообщил об этом своим советским контактам, которые уже позаботились о том, чтобы несчастный Волков был просто связанным доставлен на борту самолета домой, где он и был казнен. Представляется вероятным, учитывая список достижений Филби в устранении потенциально опасных перебежчиков, что он проинформировал бы русских о предателе в рядах УВ.

Ким Филби (1912-1988)

Стивен в своей книге не смог назвать имя офицера СИС, ответственного за поездку в Нью-Йорк, чтобы доставить Даллесу досье на Святло, но тот факт, что этим человеком должен был бы быть Филби, скорее подрывает правдивость

рассказа. Тем более что Филби никак не упоминает этот эпизод в своих мемуарах «*Моя тайная война*».

С точки зрения хронологии книги Стивен разочаровывающе неопределенно описывает, когда точно Салливен встретился со Святло на скамейке в Варшаве. Он говорит только, что это было зимой, поэтому требуется некоторый анализ, чтобы сузить временные рамки. Другими датами, которые достоверно известны, являются его посещение Варшавы в январе 1949 года, день, когда Ноэль Филд прибыл в Чехословакию из Парижа - 5 мая 1949 года, день, когда его в последний раз видели выходящим из отеля «Palace», 22 мая 1949, и побег Святло в Берлине 22 декабря 1953 года. Принимая во внимание то, что Святло и ЦРУ настаивают, что у него не было никаких контактов с британцами или с американцами до своего ухода, Стивен утверждает, что в реальности он говорил с Салливенем, и самым последним.

Эта версия означает, что после своего решения дезертировать Святло оставался на месте как агент ЦРУ в течение еще четырех лет, из-за чего возникает несколько других проблем с хронологией в повествовании Стивена. Например, самое первое сообщение Святло в Вашингтон касалось Филда, но мы уже знаем, что Филду разрешили уехать из Варшавы в январе 1949 года, и он не въезжал в Чехословакию до мая. Таким образом, позволив Филду ускользнуть в январе, когда он был в Польше, Святло пришлось ждать еще четыре месяца, пока тот не полетел в Прагу. Но и даже тогда Филд не был арестован в течение еще двух недель, и после ареста отправлен он был не в Варшаву, а в Будапешт. Учитывая, что Филд планировал возвратиться в Польшу позже в том же году, и даже оставил часть своего имущества в Варшаве, странно, что Святло не подождал, пока он вернется. Действительно Стивен утверждает, что чехи отказывались арестовать Филда, и на них было оказано давление, чтобы они это сделали: «Они не рассматривали Ноэля Филда как особенно опасную фигуру, и генералу Белкину пришлось убеждать их устроить его арест. Они передали его венграм с очевидным нежеланием».

Другой любопытный момент в операции «*Раскол*», кодовое название, которое, как оказывается, не появляется ни в одном из рассекреченных документов ЦРУ, касается связи этой операции с Алленом Даллесом, который поступил на службу в ЦРУ на должность заместителя директора только в 1951 году, спустя намного больше года *после того, как* Филд был арестован в Праге. Объяснение этого Стивеном состоит в том, что работа Даллеса как поверенного для знаменитой нью-йоркской юридической фирмы «Sullivan & Cromwell» была простым прикры-

тием для его тайных действий, и он втайне руководил секретными операциями в Восточной Европе:

«Хотя он и являлся старшим партнером в известной на Уолл-стрит юридической конторе «Салливен и Кромвелл», это было всего лишь прикрытием и оперативной базой для его подлинной деятельности. Потому что, несмотря на различные посты, он никогда не прекращал быть тем, кем он стал, покинув Принстон, – постоянным работником американской разведывательной службы».

Но имеется слишком мало фактов, пригодных для того, чтобы доказать утверждение, будто бы во время своего пребывания на Уолл-стрит Аллен Даллес действовал как «консультант ЦРУ по тайным операциям». На самом деле Даллес вместе с адвокатом Уильямом Х. Джексоном и ведущим нью-йоркским демократом Мэттиасом Ф. Корреа был уполномочен написать для Белого дома двухпартийный обзор первого года деятельности ЦРУ. Даллес взял на себя инициативу в подготовке доклада, который был представлен в январе 1949 года второй администрации президента Трумэна. Даллес, конечно, участвовал в кампании против Трумэна и поддерживал Томаса Дьюи в ожидании, что победа республиканцев на выборах гарантирует, что его доклад будет принят как директива для будущего ЦРУ, и сам он будет назначен директором Центральной разведки. Вместо этого обзор положили под сукно, и Даллес должен был ждать еще три года, пока ему не предложили должность заместителя генерала Уолтера Беделла Смита.

Аллен Даллес (1893-1969)

В этом временном промежутке Даллес работал адвокатом в Нью-Йорке, продвигая интересы шаха Ирана, и принимал активное участие в работе Совета по международным отношениям. Только в ноябре 1950 года он принял предложение консультировать ЦРУ в течение шести недель, работая в его штабе в «Фогги-Боттом» на берегу Потوماка, два дня в неделю. Таким образом, в то критическое время в начале 1949 года, когда, как утверждает Стюарт Стивен, Даллесу вручили британское досье на Юзефа Свято, Даллес определенно не работал на ЦРУ. Но что можно сказать относительно предыдущих двух лет, когда, как говорит Стивен, «с 1946 по 1948 год Даллес занимался частной разведывательной деятельностью, организуя разведывательные операции в странах Восточной Европы на средства, полученные от богатых друзей и компаний»? Это был период до работы Даллеса над его обзором работы ЦРУ, и он соединяет создание его предшественника Центральной разведывательной группы (ЦРГ) в январе 1946 и принятие закона о национальной безопасности в марте 1947 года. Так что же Даллес на самом деле делал эти два года?

Даллес ушел с государственной службы 7 декабря 1945, спустя немного больше трех месяцев после того, как президент Гарри Трумэн расформировал OSS. Помимо работы в «Sullivan & Cromwell» в Нью-Йорке, он написал книгу *«Немецкое подполье»*, которая была издана в марте 1947 года, и был занят как юрисконсульт в комитете Организации Объединенных Наций, ища постоянное место для ее штаба. Кроме того, Даллес много путешествовал, посетил несколько научных конференций в Европе и пользовался большим спросом как общественный оратор. В апреле 1947 года, незадолго до его поездки в Европу на лайнере *«Куин Элизабет»*, Даллеса пригласили представить документ с его идеями о создании централизованной организации разведки Комитету Сената по делам вооруженных сил, и он это сделал на коротких девяти страницах.

Два месяца спустя он выступал как свидетель перед Комитетом Палаты представителей по расходам в правительственных ведомствах, чтобы подчеркнуть свой взгляд на то, что функции сбора развединформации и ее анализа не должны быть отделены друг от друга, как того требовала устоявшаяся у военных традиция. Это представление возобладаало, так что когда новое Центральное разведывательное управление США было создано 26 июля 1947 года, с очень широкими полномочиями для тайного сбора информации об иностранных государствах, в него был включен малочисленный штат ЦРГ, приблизительно сто человек. Потом оно поглотило две основных заграничных сети, в Германии и Италии, которыми затем под прикрытием военного министерства управляли ветераны OSS Дик Хелмс и Джим Энглтон соответственно. До того времени ЦРГ не располагала ни одним агентом за границей, и двумя эмбриональными структу-

рами в Европе управляли независимо, и, естественно, они не получали никаких указаний от Даллеса. Шесть месяцев спустя, в феврале 1948 года госсекретарь Джеймс Форрестол пригласил Даллеса участвовать в беспартийном обзоре первого года работы нового ведомства, и из этого возник документ на 193 страницах, содержащий пятьдесят семь рекомендаций, который был представлен Форрестолу в январе 1949 года.

Хотя всегда трудно доказать отрицание, все данные свидетельствуют о том, что характеристика Стивеном действий Даллеса в непосредственный послевоенный период отнюдь не была точной. Конечно, Даллес полагал, что конфронтация с коммунистическим блоком была неизбежна, и он стремился бросить вызов советской пропаганде и политическому влиянию, но на той стадии Соединенные Штаты просто не обладали способностью предпринимать то, что теперь повсеместно называют «тайными операциями». На самом деле другим видным сторонником взглядов Даллеса был бывший офицер OSS Фрэнк Уизнер, который в 1947 году томился в Государственном департаменте, с большим желанием восстановить американскую способность бросить вызов советской гегемонии, но его Офис политической координации (ОПС), который должен был контролировать самые первые тайные операции ЦРУ, все же, еще должен был бы быть по-настоящему создан, не говоря уже о подборе персонала и вербовке агентов. Итак, какие доказательства есть у Стивена, которые должны были бы доказать его версию карьеры Даллеса, якобы являющегося уже в то время реальным «руководителем операций» ЦРУ? Автор говорит только о том, что в то время как его «карьера сразу после войны покрыта некоторой тайной, мало кто из экспертов, изучивших этот предмет, сомневается в том, что он был активным оперативным работником разведки».

Стивен правильно заявляет, что в 1974 году «доклад Даллеса остается строго засекреченным документом и известны лишь его самые основные идеи», но он не дает никаких намеков на то, как он узнал об этом, когда утверждает, что в докладе Даллес выступал за развитие ведомства, способного заниматься сбором и анализом политической разведывательной информации:

«Оно должно идти гораздо дальше и встретить коммунистическую угрозу на ее собственной территории. Оно должно располагать всем необходимым для проведения в широком масштабе глубоко продуманных скрытых политических операций с целью подрыва сталинского господства над странами-сателлитами и вытеснения коммунизма из них. Страны-сателлиты, все славянские страны следуют вдохновить на восстание и свержение режима угнетателя. На ЦРУ должна

быть возложена миссия создать условия, при которых все это было бы возможным».

Таким образом, согласно Стивену, Даллес представил Белому дому Трумэна проект конфронтации, явно прямо противоречащей часто официально декларируемой президентской политике «сдерживания». Соответственно, было две критических проблемы, которые должны были быть решены. Первая проблема: было ли желательно объединить различные дисциплины сбора разведывательной информации и анализа полученной информации. Даллес утверждал, что опыт OSS продемонстрировал, что такая централизация была жизненно важна. Вторая проблема состояла в том, должна ли разведслужба лишь пассивно собирать информацию об иностранных правительствах, или же ЦРУ должно активно влиять на эти правительства. Даллес разделял последнее представление, и хотя доклад Даллеса-Джексона-Корреа (теперь рассекреченный и доступный в Национальном архиве США) был отложен Форрестолом, который ушел в отставку спустя месяц после его последней встречи с Даллесом и вскоре после этого совершил самоубийство, этот доклад, в общем, особенно подчеркивал другие аспекты. Даллес, конечно, хотел расширить роль ЦРУ, чтобы охватить тайную операцию, но ее целью, как было проиллюстрировано тогда недавним успехом в итальянской предвыборной кампании, где коммунисты были побеждены вопреки сильному советскому вмешательству, должно было быть сдерживание советского давления везде, где оно проявлялось, но вовсе не активное содействие подрывной деятельности в самом Восточном блоке. Это - фундаментальное различие, но целью пропаганды Москвы было представить Даллеса как опасного подстрекателя войны, и в апреле 1949 года появились сообщения советского информационного агентства ТАСС о том, что американцы создали «специальное европейское бюро», чтобы распространять саботаж и терроризм в Восточной Европе. Посещение самим Даллесом Европы в том же месяце было осуждено русскими как «подрывная миссия».

В действительности президент Трумэн изложил американскую политику сдерживания в Директиве 10/2 Совета национальной безопасности в июне 1948 года, которая расширила полномочия ЦРУ по планированию и осуществлению тайных операций. Стивен просто отмечает, что СНБ «дал ЦРУ полномочия, «чтобы осуществлять тайные операции, которые приказывает СНБ». Это сокращение утрачивает истинный смысл директивы СНБ 10/2, которая содержит преамбулу, признающую, что Кремль предпринял «зловещую» кампанию», «чтобы дискредитировать и победить цели и действия Соединенных Штатов и других западных держав» и определяла тайную операцию следующим образом:

«Под термином «тайные операции», употребляющимся в этой директиве, следует иметь в виду все виды деятельности (за исключением оговоренных ниже), которые проводятся или одобряются правительством США против враждебных иностранных государств или групп в поддержку дружественных иностранных государств или групп. Однако эта деятельность планируется и проводится так, что внешне никак не проявляется ее источник — правительство США, а в случае ее разоблачения правительство США может правдоподобно отрицать до конца всю ответственность за нее. Эти тайные операции включают: пропаганду; экономическую войну; превентивные прямые действия, включая саботаж, противодействие саботажу, разрушения и эвакуацию; подрывную работу против иностранных государств, включая помощь подпольному движению Сопротивления, партизанам и эмигрантским группам освобождения, поддержку антикоммунистических групп в странах свободного мира, находящихся под угрозой. В число таких действий не входят вооруженный конфликт с участием регулярных вооруженных сил, шпионаж и контршпионаж, прикрытие и обман в интересах ведения военных операций».

Инициатором директивы СНБ 10/2 был не Аллен Даллес, а высокопоставленный чиновник Государственного департамента Джордж Кеннан, который также гарантировал, чтобы ОРС, во главе с Фрэнком Уизнером, действовал под контролем штаба политического планирования Государственного департамента. Таким образом, хотя Стивен старается создать впечатление, что Даллес тайно руководил секретным наступлением против Советского Союза, основанным на его собственном докладе, который был принят как официальная политика в директиве СНБ 10/2, в действительности Даллес, конечно, влиял на Кеннана и был близким другом Уизнера, но в 1949 году он просто не был в состоянии контролировать бессовестный заговор под кодовым названием «*Раскол*» с целью подорвать Польшу, Венгрию и Чехословакию.

В той же мере Стивен не предлагает объяснения того, почему СИС передала бы предложение Свято дезертировать не ЦРУ, а Даллесу, который тогда был, в конце концов, частным лицом. Что касается кодового наименования операции, то Стивен упоминает в своей комментарии об источниках, что вскоре обязательно должна быть опубликована книга, объявленная как «мемуары бывшего офицера британской Секретной разведывательной службы», написанная Робертом Дибендорфером, «в которой будет не только описана данная операция, но и названо ее имя». В действительности такая книга так никогда и не вышла, и ссылки на операцию «*Раскол*» можно найти только в работе самого Стивена. Хотя Роберт Дибендорфер - действительно издававшийся автор, но он известен,

прежде всего, своей книгой «Клуб лжецов» и несколькими книгами о рыбной ловле.

Даже если на мгновение согласиться с тем, что Святло реально пытался перейти на сторону британцев, а затем американцев в 1949 году, действительно ли вероятно то, что те сказали бы ему оставаться на месте? Есть значительная разница между людьми, которые предлагают свои услуги как шпионов для Запада, и теми, кто уже решил сбежать к противнику. История современного шпионажа полна примеров шпионов, среди них Олег Пеньковский, Дмитрий Поляков и Олег Гордиевский, которые сделали выбор вернуться домой и столкнуться с возможностью ареста, вместо того чтобы остаться на Западе. (Гордиевский все же был отозван из Лондона, и после этого ввиду угрозы ареста был вывезен англичанами из СССР. – прим. перев.) Но случай Святло, который, если это было правдой, уникален в том, что, решив дезертировать, он затем так или иначе позволил убедить себя остаться в Польше еще на четыре года. Возможно, еще невероятнее то, что на протяжении этого периода он, как нам говорят, «не должен работать на американцев, не должен снабжать их разведывательными данными, информировать о политической и военной обстановке в Восточной Европе». Таким образом, согласно рассказу Стивена, задача Святло для ЦРУ состояла в том, чтобы продолжать «делать ту работу, за которую ему платят его польские и русские хозяева».

Хотя Даллес не работал в ЦРУ до 1950 года, Стивен говорит, что в 1949 его работа адвоката была «довольно прозрачным прикрытием его главной функции – руководителя специальных операций ЦРУ». И в случае Рудольфа Сланского автор подробнее касается некоторых деталей, чтобы продемонстрировать личную ответственность Даллеса за его смерть.

Как первый секретарь коммунистической партии Чехословакии и заместитель премьер-министра Сланский был одним из самых влиятельных людей в стране и поэтому, согласно Стивену, представлял собой одну из основных мишеней для Даллеса.

«Для Аллена Даллеса и ЦРУ Рудольф Сланский был единственным человеком, способным удержать Чехословакию в коммунистическом блоке. Только он способен был сдержать назревавший бунт. Сланский должен уйти. Его необходимо убрать при помощи тех же самых методов, которые Даллес так беспощадно использовал против других людей».

Как другие видные коммунисты, Сланский провел большую часть войны в Советском Союзе и возвратился в Словакию, сброшенный на парашюте, чтобы бороться вместе с партизанами и, в конце концов, захватить власть. Хорошо задокументировано, что Сланский был арестован 23 ноября 1952 года, посажен в тюрьму в Рузине, был судим вместе с дюжиной других заговорщиков в ноябре 1952 года, и признал себя виновным в государственной измене, шпионаже, саботаже и военной измене. Он сделал малодушное признание и, как десять других подсудимых, был приговорен к смерти и казнен 3 декабря 1952 года.

Согласно Стюарту Стивену, существовали очень убедительные доказательства того, что ЦРУ стояло за этими событиями, и он раскрыл, что арест Сланского, «самый большой улов из всех», возник из-за того, что «Даллес стремился закрутить гайки».

«Полковник Святло, находясь в Польше, все время без устали занимался чешскими делами. Он лично встретился с главой чешской службы безопасности и потребовал ареста членов «преступной сети Филда». Он убедил президента Польши Берута и секретаря ЦК венгерской партии Ракоши оказать максимальное давление на явно сопротивляющееся чешское правительство. Но чехи все еще отвергали каждое требование о репрессивных действиях, организовав еще одну комиссию по расследованию, результаты работы которой были еще более туманными, чем предшествующих комиссий. Но сопротивление чехов не могло продолжаться вечно».

Так Святло «старался раздуть пламя» и в Вашингтоне «было согласовано, чтобы Рудольф Сланский стал мишенью прямой атаки, многие детали которой все еще неясны, но основной идеей которой было полное разрушение политического и морального доверия к одной из наиболее значимых фигур в Восточной Европе». Стивен объясняет, что «с тех пор, как на начальной стадии операции «Раскол» Филды были представлены как американские агенты, ЦРУ больше не прибегало к «прямым действиям», иначе говоря, не подбрасывало обличающих свидетельств органам безопасности стран Восточной Европы. Но теперь было решено, что Рудольф Сланский должен стать объектом прямой атаки. Многие детали этой атаки все еще остаются неясными, кроме того, что ее главной задачей должна быть полная политическая и моральная дискредитация одного из самых значительных деятелей Восточной Европы». Среди чешских эмигрантов в Германии были распространены слухи, что Сланский «поговаривает о переходе на Запад». 4 ноября 1951 года некий двойной агент, шпионящий на Советы, внедрившийся на базу ЦРУ в Мюнхене, сообщил, что «были предприняты далеко идущие меры, чтобы содействовать переходу Рудольфа Сланского на Запад».

Рудольф Сланский (1901-1952)

Этот двойной агент, сам чешский еврей, передал 9 ноября другое сообщение, подтверждая, что он был назначен управлять «чешской частью операции и будет использовать свою старую сеть». Эти новости дошли до Сталина, который приказал, чтобы его представитель в Праге Анастас Микоян потребовал немедленного ареста Сланского. Одновременно компрометирующие письма, содержащие таинственные сообщения, отправили предполагаемому посреднику в Чехословакии, где они были перехвачены и скопированы, и Радио «Свободная Европа» начала передавать какие-то неуклюже закодированные сигналы. Последним штрихом было приглашение определенным лидерам чешского эмигрантского сообщества прибыть на американский военный аэродром близ Мюнхена, чтобы приветствовать какого-то важного гостя.

«Им не сказали, когда они ночь за ночью стояли с высокопоставленными американскими офицерами в конце взлетно-посадочной полосы, кем должно было быть это «важное лицо». Но они все предположили: Рудольф Сланский. Хотя все они поклялись хранить в тайне свою бесполезную бессменную вахту, новости распространились очень быстро. Чарльз Кэтек (Катек), глава операций ЦРУ в Мюнхене и бывший американский военный атташе в Праге, позаботился об этом».

Еще один вклад был сделан, согласно Стивену, неким шпионом, которым управляла Федеральная разведывательная служба (BND) генерала Райнхарда Гелена. (В то время она еще называлась не БНД, а просто «Орг» - «Организация Гелена» -

прим. перев.) Он был «чешским Свято – прочно закрепившимся на верхнем уровне чешского аппарата госбезопасности. Хотя личность этого агента сегодня все еще неизвестна, нет сомнений, что он существовал; на самом деле он настолько контролировал ситуацию, что однажды в ходе операции он даже сознательно проигнорировал прямые приказы маршала Сталина». Эта таинственная фигура поощряла жертв чистки называть Сланского своим соучастником по заговору даже после того как министр внутренних дел, побужденный президентом Готвальдом и Сталиным, запретил «дальнейшие расспросы относительно Сланского».

Для Аллена Даллеса вмешательство Сталина не было характерным, к тому же оно натолкнулось на операцию, развивавшуюся успешно. Оно не могло остановить хода операции, поскольку сотрудники службы безопасности, вовлеченные в нее, в первую очередь западногерманский агент Даллеса, просто проигнорировали приказ и продолжали допрашивать своих арестованных о Сланском.

После того как почва была так изобретательно подготовлена с помощью агента BND, Сланский был брошен в тюрьму. Почти год спустя он был повешен, и «операция «Раскол» умерла вместе с ним», добавлял Стивен. Но может ли хоть что-то из этого действительно выдержать серьезную проверку? Те детали, которые могут быть проверены, такие как имя руководителя резидентуры ЦРУ в Мюнхене, оказываются точными, хотя есть небольшое несоответствие в описании его Стивеном как «бывшего американского военного атташе в Праге». На самом деле Кэтек был начальником резидентуры ЦРУ в Праге до коммунистического переворота в 1948 году. Однако, пропуская эти малозначительные детали, все равно нельзя не задаться вопросом, почему, если BND действительно могла пользоваться услугами такого высокопоставленного офицера чешской госбезопасности, Даллес и Свято посчитали столь трудным позаботиться о том, чтобы Филд был сразу же арестован. Затем есть еще центральная идея, будто бы Даллес тайно руководил своим проектом с целью спровоцировать сталинистов и дать им больше власти. Но если это действительно имело место, почему тогда именно Рудольф Сланский стал одной из его целей? Сланский, в конце концов, был одним из сторонников жесткой линии в Чехословакии и человеком, ответственным за начало чисток своих коллег по коммунистической партии. И он же руководил арестами беспартийных во время террора 1947 года. Как инструмент для зловещего плана Даллеса едва ли мог найтись лучший кандидат, однако, согласно Стивену, именно Сланский стал еще одной мишенью.

Но есть ли в этом действительно какой-то смысл? Два исторических факта заставляют дать отрицательный ответ. Во-первых, есть тот неудобный момент, что

Ноэль Филд решил добровольно остаться в Венгрии после своего освобождения из тюрьмы в 1954 году. Это очень необычно, потому что если венгры искренне верили, что он был шпионом ЦРУ, почему тогда они разрешили ему остаться в стране? При нормальных обстоятельствах вражеский агент был бы выслан из страны сразу после освобождения, и трудно подобрать правдоподобное объяснение случившемуся. Конечно, для того, чтобы держаться подальше от Соединенных Штатов, у самого Филда, возможно, было много причин, среди которых был его страх перед вызовом в суд или уголовными обвинениями, которые, возможно, ждали его там. Второй вопрос, который стоит проанализировать, - то, как эти события рассматривались в странах, в которых они происходили. Одним из последствий «Пражской весны Дубчека» в 1968 году было проведенное коммунистической партией расследование того, что действительно произошло в эру показательных процессов. Результатом стал Доклад Пиллера, который исследовал различные судебные преследования и пришел к выводу, что они были гротескным проявлением сталинизма, и Филд был использован просто в качестве оправдания. Точно так же в Венгрии в докладе, подготовленном в 1962 году, партийный руководитель Матьяш Ракоши был обвинен в том, что он «сфабриковал клеветнические обвинения», чтобы «обеспечить свою личную власть». Таким образом, выводы, сделанные в Венгрии и Чехословакии, установили, на ком должна лежать вина, и нельзя сдерживать удивление, почему коммунистические партии этих стран не выбрали более легкий путь осуждения ЦРУ, если бы в утверждениях Стивена содержалось хотя бы одно зерно правды.

Таким образом, «Операция «Раскол»» представляет собой просто пример искаженной и предубежденной интерпретации журналистом, который был либо дезинформирован, либо введен в заблуждение, или же это действительно было применение дезинформации, сознательно запущенной Советами? Это последнее предположение особенно интересно, потому что отдел дезинформации («активных мероприятий») КГБ, известный как Служба А, действительно пытался распространять обман, утверждая, что безжалостные чистки Сталина якобы были вызваны каким-то гнусным планом, подготовленным Даллесом. Когда Теннет Х. Бэгли, бывший старший контрразведчик ЦРУ, который возглавлял польский отдел ЦРУ и допрашивал Свято, попытался отследить происхождение этого конкретного примера дезинформации, бывший руководитель польского UB Рудольф Барак с гордостью уверял его, что эта дезинформация была разработана и распространена его службой, а не КГБ. (Явная ошибка автора. Рудольф Барак был не поляком, а чехом, и потому никак не мог руководить польской службой госбезопасности. На самом деле Барак с 1953 по 1961 год был министром внутренних дел ЧССР. – прим. перев.) Вся коварная хитрость операции «Раскол», как гордо хвастался Барак, была частью организованной кампании, направленной против ЦРУ и

Даллеса. Столь привлекательной ее сделало то, что она эксплуатировала возникшую во время войны связь между Филдом и Даллесом, которая была полностью реальной, и искусно объясняла отвратительные эксцессы сталинского режима, взваливая вину за них на ЦРУ.

Стивен объясняет мотив Даллеса как решимость продемонстрировать всем, что коммунизм это зло: «Цель Даллеса состояла в том, чтобы показать коммунизм таким ужасным, как он сам его себе представлял. Коммунисты-националисты делали коммунизм приемлемым для народа, и поэтому они подлежали устранению».

Невероятно, но автор даже говорит, что сам Сталин «стал жертвой сил, гораздо более мощных, чем он сам», что является удивительным заявлением, поскольку ранее лишь очень немногие историки видели в Сталине «жертву». Эта причудливая интерпретация может теперь рассматриваться как несколько грубая затея, но, очевидно, она считалась достаточно подходящей для того, чтобы одурачить легковерных.

После тщательного исследования книга «Операция «Раскол» имеет все признаки предвзятой интерпретации, основывающейся на ряде фактов, не все из которых, если рассмотреть их детально, оказываются пригодными. Даллес даже не был в ЦРУ, когда Филд был арестован, но автор книги описывает его как влиятельного внештатного консультанта, даже как человека, стоящего по положению «приблизительно на уровне руководителя операций ЦРУ». Нам говорят, что Святло в Польше был движущей силой за арестом Филда в Чехословакии и его последующей передачей в Венгрию, но если так, то почему полковник UB просто не подождал, пока Филд вернется, как тот планировал, в Польшу, чтобы арестовать его? Если Святло действительно хотел дезертировать в 1949 году, почему он ждал еще четыре года, пока не сбежал в Западный Берлин? И так, с очень многими оставшимися без ответа вопросами, версия Стивена просто не выдерживает проверки на вероятность.

Вне зависимости от объяснения того, как именно эта книга была написана, аналитик ЦРУ и библиофил Джордж Константинидес осудил ее как «одну из самых худших книг, опубликованных за много лет на тему разведки», и, что еще более важно, после окончания Холодной войны не появились никакие доказательства, которые могли бы подтвердить хоть какую-нибудь часть этой истории. Святло никогда не работал на Даллеса, не было никакой операции «Раскол», и наивный Ноэль Филд не был подставлен ЦРУ под арест. Это не было «самой первой битвой разведок в Холодной войне». Но как же тогда мог Стивен так попасть

впросак? Одна возможность - его благодарное признание роли, сыгранной Ладисласом Фараго, спорным журналистом венгерского происхождения, которого автор описал как «неоценимый источник подробной информации», без которого «эта книга, возможно, не была бы написана». Вскоре после этого по репутации Стивена был нанесен серьезный удар, когда он поддержал своего друга Фараго в его сенсационной, но ошибочной идентификации невинного бедного аргентинского сельскохозяйственного рабочего как заместителя Гитлера рейхслайтера Мартина Бормана.

* * *

Во время Холодной войны нельзя было даже и представить, что когда-то придет время, когда историки смогут получить доступ к самым секретным архивам советского Центрального комитета в Москве или взглянуть на особые отчеты КГБ. Но теперь это произошло, и эта ограниченная гласность поощрила другие спецслужбы на Западе последовать примеру русских. Британская Служба безопасности (МИ-5) предпринимает длительную программу рассекречивания, и сотни ранее совершенно секретных досье были переданы Государственному архиву (теперь Национальный архив) в Кью. Это позволило исследователям изучить определенные случаи с обеих точек зрения, Востока и Запада, и сравнить способы, которыми обсуждались одни и те же темы на Востоке и на Западе.

Новая открытость также позволила читателям заново исследовать утверждения, высказанные несколькими десятилетиями ранее авторами, настаивавшими на том, что они были посвящены в секретную информацию, и есть два хороших примера того, как подобное приукрашивание или даже нечто худшее повлияло на восприятие советского заговора. Мы теперь знаем, из свидетельств из первых рук и подробных исследований секретных до последнего времени документов, что высказывания Никиты Хрущева о количестве советских ракет были просто блефом. То же самое можно также сказать о численности советских бомбардировщиков, и о многом другом, включая некоторые аспекты Карибского ракетного кризиса. Обман и дезинформация играли ключевую роль в советской внешней политике, и умение, с которой манипулировали Западом под эвфемизмом «активные мероприятия», помогало поддерживать режим, являвшийся банкротом в экономическом, военном и нравственном отношении. В некоторых случаях имело место активное сотрудничество с сочувствующими фигурами в СМИ, которые сознательно следовали за линией Кремля, но существовали и другие, часто ядовитые антикоммунисты, чья некорректная интерпретация событий служила только тому, чтобы преувеличивать мощь Москвы.

Хороший пример этого последнего свойства можно найти в *«Школе для шпионов»*, книге, изданной в 1961 году, целью которой было якобы разоблачение советских шпионов, действующих в Англии и Америке, «с зарегистрированными фактами прямо из досье советских секретных служб». Ее автор, чешский еврей Йозеф Хайслер, был выпускником Берлинского университета и чешским журналистом в коммунистической газете в Праге, а также членом Центрального комитета компартии, который в 1934 году поехал в Москву, чтобы провести четыре года в школе имени Ленина, и работал в советской газете «Вечерняя Москва». В 1939 году, когда Чехословакия была оккупирована немцами, Хайслер сбежал в Лондон и позже, сменив свое имя на звучащее по-английски «Джо Бернارد Хаттон», служил пресс-атташе в чешском эмигрантском правительстве Яна Мазарика.

Как бывший коммунист, пересмотревший свои взгляды, Хаттон, на первый взгляд, занимал хорошее положение, чтобы писать о шпионаже и подрывной деятельности, но в *«Школе для шпионов»* он дал подробное описание пяти школ КГБ в Советском Союзе, сконцентрировавшись на Гатчине, в ста милях к юго-западу от Куйбышева, где нелегалы, предназначенные для работы на Западе, проводят десять лет в закрытом для посторонних районе, охватывающем 425 квадратных миль, где тщательно были воспроизведены западные городки с «достоверно точной копией улиц, зданий, кино, ресторанов и закусовых», чтобы познакомить будущих агентов с жизнью на Западе. Среди выпускников длившегося десятилетия учебного курса были такие «советские разведчики как доктор Джеффри Нобл, Уильям Артур Мортимер, Гордон Лонсдейл, Реджинальд Кеннет Осборн и все другие советские шпионы в Америке, Англии, Австралии, Новой Зеландии, Канаде, Южной Африке, Северной Ирландии, Ирландии, Индии и других частях англоязычного мира».

(Хаттон называет это место по-английски «Gaszupa». Неясно, что имеется в виду и как точно это должно произноситься. Понятно, что настоящая Гатчина находится под Петербургом, тогда Ленинградом, а не в «ста милях к юго-западу от Куйбышева». Но «Gaszupa» вообще упоминается исключительно в связи с книгой Хаттона и ее критикой Уэстом, и это доказывает, что данное географическое название является полностью вымышленным, и никакого реально соответствующего ему населенного пункта в России нет. – прим. перев.)

Согласно Хаттону, были и другие шпионские учебные центры: в Праховке, в семидесяти милях к северо-востоку от Минска; в Степной в 110 милях к югу от Чкалова; в Восточной, в 105 милях к юго-востоку от Хабаровска; и в Новой, в девяноста милях к юго-западу от Ташкента. Агенты, предназначенные для ра-

боты в странах советского блока, обучались в «учреждении, известном как Союзная», в восьмидесяти пяти милях к юго-востоку от Тулы, а в Кутаисской около озера Байкал ремесло шпионажа преподавали «курсантам азиатского происхождения». Кроме того, существовали специальные шпионские школы в Кучино под Москвой, в Детском Селе близ Ленинграда, в Майском около Одессы, и в Сигулде под Ригой.

В списке советских нелегалов у Хаттона, которые, предположительно, действовали на Западе, любопытно то, что среди них можно опознать только Гордона Лонсдейла. После его освобождения из заключения в Великобритании в апреле 1964 года он написал свои мемуары «Шпион», в которых подтвердил свое настоящее имя – Конон Молодой, но ни словом не упомянул какое-либо обучение в Гатчине. По версии Хаттона настоящим именем Лонсдейла было Василий В. Пахомов, и он обучался в Гатчине между декабрем 1944 и сентябрем 1954 года.

Мало того, что такого учебного заведения никогда не существовало, но и три из этих четырех агентов, перечисленных Хаттоном, тоже были вымышленными лицами. Автор дал на первый взгляд вероятные истории для доктора Нобла («Марк Б. Загорский»), Мортимера («Юрий О. Караков») и Осборна («Геннадий М. Глазунов»), но все эти истории были вымыслом. Доктор Нобл предположительно вплавь добрался с советской подводной лодки до берега около Мидлсбро в ноябре 1952 года и к февралю следующего года, арендовав квартиру в лондонском районе Пимлико, он утвердился как «один из самых активных и важных» агентов в стране, которые собирали «ценную информацию об электронных исследованиях для секретного оружия». Согласно Хаттону, МИ-5 «получила предупреждение из-за границы», но спустя двенадцать часов после того, как они арестовали Нобла, «он был найден повешенным в своей камере» в отделении полиции на Джеральд-Роуд, «прежде чем он мог быть допрошен чиновниками Особого отдела». (Имеется в виду Особый отдел (иногда также называется на русском языке Специальным отделом) Скотланд-Ярда (Special Branch) – прим. перев.)

Обучение Глазунова в Гатчине началось в 1939 году, и в январе 1950 года он был тайно доставлен с советского судна на берег в Австралии как Реджинальд Осборн. Три года спустя, в сентябре 1953 года, он прибыл в Лондон, представляя свою «англо-австралийскую торговую компанию», но через семь лет «один из его информаторов предупредил его, что Специальный отдел Скотланд-Ярда следит за ним и планирует его скорый арест». Несмотря на свое обучение и десять лет на секретной работе, Глазунов испугался и сбежал из Великобритании.

В случае Каракова его направили в Гатчину в 1942 году, после чего он взял себе имя Уильяма Мортимера, чтобы работать пианистом в бостонском ночном клубе, и в июле 1953 переехал в Нью-Йорк, где он пел с джаз-бэндом. Вскоре после этого он завербовал молодого офицера армии США из Алабамы, прикомандированного к «подразделению, испытывающему секретное оружие», и принудил его поставлять ему секретные данные. Каракон-Мортимер также приобретал источники, «работающие в хорошо охраняемых мастерских, где разрабатывались и производились опытные образцы новых секретных вооружений для сухопутных войск, военно-воздушных сил и военно-морского флота; другие, которых он нашел, были заняты сверхсекретными проектами. Между летом 1954 и осенью 1957 года он управлял ночным клубом, занимался фотографическим бизнесом в Бронксе и продолжал вербовать агентов, среди них были Эржика, «родившаяся в Венгрии невеста американского правительственного чиновника» и его собственная невеста Памела, «личный секретарь высшего руководителя одного правительственного ведомства». Однако после ареста Рудольфа Абея в июне 1957 года неназванный офицер из Алабамы решил, что он попал под наблюдение ФБР и застрелился. Точно так же Памела умерла от передозировки, и из-за внимания, которое этот инцидент привлек к ее частной жизни, Уильям Мортимер «осторожно исчез и был благополучно возвращен в Россию» в феврале 1961 года.

Исследование всех трех случаев показывает, что все они были вымышленными. Не существует никакого документа об аресте доктора Нобла в 1960 года, и нигде в архивах не упоминается о смерти в камере отделения полиции на Джеральд-Роуд. Предположение, что такой арест, проводимый по запросу МИ-5, не был бы выполнен детективами полиции безопасности из Особого отдела Скотланд-Ярда, и что арестованного оставят без допроса на целых двенадцати часов, просто не укладывается в голове.

Другой курьезный момент в рассказе Хаттона о школе КГБ в Гатчине – это то, как эта история развилась за последующее десятилетие. Например, десять лет спустя Хаттон вернулся к той же теме в «Женщинах-шпионках», но в этой книге он описал Гатчину как «занимающую площадь приблизительно сорок две квадратных мили» и снова назвал Гордона Лонсдейла как ее выпускника, наряду с Ритой Эллиот и Эйлин Дженкинс. Этими женщинами на самом деле были Эсфирь Г. Юрына и Таня М. Радьонска, и Хаттон кратко упоминал их в своей прежней книге. Обученная как канатоходка, Эллиот была тайно ввезена в Австралию в октябре 1955 года после обязательной десятилетней подготовки в Гатчине и, как «одной из главных агентов советской секретной службы, ей удалось за сравнительно короткий промежуток времени создать широко раскинутую

агентурную сеть». Ее методы получения информации от источников зависели от гипноза и наркотиков, и после пяти лет она привлекла к себе «внимание австралийской контрразведки». Несмотря на то, что она находилась под секретным круглосуточным наблюдением, ей «удалось связаться с ее информаторами, посредниками, и другими агентами, и избавиться от всего компрометирующего ее оборудования», которое она использовала для своей секретной связи с Москвой. Наконец, «обнаружив прикрепленные микрофоны, скрытые в ее доме», она покинула страну в феврале 1961 году, якобы отправившись на гастроли в Индии и Пакистане, и исчезла. Согласно второй версии Хаттона ее истории, Эллиот «встречалась с правительственными чиновниками и влиятельными людьми, располагавшими знаниями из первых рук о работах, происходящих на испытательном полигоне Вумера и в научно-исследовательских центрах».

Что касается Эйлин Дженкинс, ранее не упомянутой Хаттоном, то она была нелегально ввезена в Англию в мае 1958 года и нашла жилье в районе Кингс-Кросс, прежде чем эмигрировала в Канаду в марте 1959 года. Там она в течение шести недель работала в пекарне в Монреале, а затем переехала в Оттаву, где она нашла работу в магазине дамского белья и «успешно закрепились как главный шпион» («нелегал-групповод» - прим. перев.). Она «не только руководила шпионской организацией, но и содержала террористическую группу, которая похищала и убивала людей». Одной из ее жертв был «словацкий иммигрант, работающим чертежником в авиастроительной фирме», который был похищен на улице, когда он отказался сотрудничать, затем накачан наркотиками и незаконно затащен на борт судна, направляющегося в Россию».

На Рождество 1959 года она встретила в магазине «полицейского чиновника», покупающего подарок для своей матери, который был хорошо проинформирован о перебежчике из ГРУ Игоре Гузенко, и стала его невестой. Этот полицейский предположительно описал ей, как Гузенко украл большое количество инкриминирующих документов из *референтуры* посольства, и их хватило для того, чтобы посадить «дюжину шпионов-дипломатов за решетку». Однако, придя к заключению, что ее любовник или «не знал или был слишком осторожен, чтобы раскрыть ей методы западной контрразведки», она получила приказ уехать из Канады и была направлена в другую англоязычную страну.

Ни одна из этих двух историй вообще никогда не подвергались проверке. В док-сые Австралийской организации разведки и безопасности (ASIO) нет никаких документов о какой-либо артистке цирка, которая подозревалась в том, что она была советской шпионкой. А предположение, что Эйлин Дженкинс «впервые услышала об Игоре Гузенко» от ее канадского жениха, заставляет подумать, что

ее десятилетняя тренировка в Гатчине была совсем не полной. Ведь Гузенко дезертировал больше чем четырнадцатью годами ранее, и все контрразведывательные детали этого дела были включены в Отчет королевской комиссии, опубликованный еще в марте 1947 года.

Хаттон не только выдумал большинство историй, на которые он ссылался, но он использовал такой же подход с изданной десять лет спустя книгой *«Женщины-шпионки»*, которая была списком случаев женского шпионажа. Он вернулся к немного приукрашенной версии случая Эйлин Дженкинс, и сообщил, что во время его исследования ему рассказали об Энн, ясновидице с «хорошим практическим знанием немецкого языка», которая во время Второй мировой войны была нанята британской разведкой для «путешествий в уме» в «нацистский штаб в Берлине». Там она «собирала определенное количество информации о перемещениях войск» и «информация, которую она сообщала британскому штабу секретной службы, рассматривалась с таким же уважением, как информация, предоставленная другими шпионами. Донесения Энн влияли на британскую политическую и военную стратегию и помогали ей».

От этого удивительно забавного фантастического рассказа можно было бы отмахнуться, как от примера автора, ставшего жертвой розыгрыша или обмана, но Хаттон настаивал на том, что он «смог найти Энн и встретиться с ней неофициально», чтобы проверить историю и подтвердить сверхъестественные способности этой старой леди.

То, что Хаттон придумал этот эпизод вместе с многочисленными другими в *«Женщинах-шпионках»*, можно понять из его курьезного утверждения, будто бы британские и американские спецслужбы шпионят друг за другом. Если и существует какой-то один однозначно достоверный факт в разведывательной профессии, то это то, что ЦРУ и СИС не участвуют в операциях, враждебных друг другу, и не вербуют граждан друг друга, кроме как в совместных операциях. Так что разоблачение Хаттона, будто бы «у одной из» шпионок Соединенных Штатов, которые шпионили за Великобританией, был агентурный псевдоним «Патриция», и она руководила химчисткой в Уэст-Энде Лондона и была таким образом хорошо размещена в самом сердце британской столицы и совсем близко от Уайтхолла, где принимаются все важные политические и военные решения», заслуживает того, чтобы рассматриваться с большим скептицизмом. Патриция «действовала эффективно, и в течение многих месяцев ее сеть информаторов и агентов выводила любые детали определенного предмета, который интересовал руководство разведки США». Согласно Хаттону, это не было изолированным случаем, и на эту двуличность отвечали взаимностью.

«Британская Секретная служба в той же степени способна на предательство по отношению к их друзьям на другом берегу Атлантики». Еще Хаттон утверждал, что американка по имени Джин тщательно обрабатывалась и затем была завербована неким «молодым человеком, который был, конечно, агентом британской секретной службы». Она снабжала его «секретными данными из досье Вашингтона, и когда она возвратилась домой, то «создала шпионскую паутину агентов и информаторов и в течение многих лет снабжала Лондон большим количеством секретной информации о Соединенных Штатах. Особенно интересовало начальников Джин в Лондоне не то, что включалось в официальные обмены информацией между правительствами и военными ведомствами, а то, что было намеренно пропущено в этих сообщениях, а также закулисные причины этих пропусков».

Трудно понять, почему Хаттон так упорно настаивал на этой чепухе, но он должен был вернуться к той же теме в 1972 году с книгой *Subverters («Занимающиеся подрывной деятельностью»)*, в которой он снова упомянул Гатчину, «самую известную из советских первоклассных шпионских школ», и также называл Детское Село, Майское, Сигулду, Праховку, Степное и Кучино, хотя на самом деле ничего такого не существовало. К 1972 году Запад принял многочисленных перебежчиков из КГБ, среди них Олег Лялин, Юрий Носенко, Рейно Хейханен и Анатолий Голицын, так что уже многое было известно о методах обучения КГБ. Кроме того, и другие перебежчики, включая Петра Дерябина и Юрия Растворова, опубликовали книги о своей карьере, но никто и никогда не упоминал той сети учебных заведений, о которой писал Хаттон. Мы теперь знаем, благодаря информации из более свежих источников, таких как Олег Калугин, Василий Митрохин, Виктор Шеймов, Владимир Кузичкин и Олег Гордиевский, что такие места не существовали где-либо за пределами воображения Хаттона. Итак, почему же автор так упорствовал в распространении истории, которая, как он должен был знать, была лживой?

Решимость Хаттона вводить в заблуждение распространялась даже на его ссылку на его собственный источник - перебежчика «подполковника Бурлицкого», которым, вероятно, был Григорий Бурлуцкий, бывший пограничник, сбежавший на Запад через границу в южном Туркестане в июне 1953 года. Предпочсть в качестве источника информации именно этого человека в сравнении с другими, упомянутыми выше, было необычным выбором. Ведь Бурлуцкий ничего не знал об операциях советской разведки за рубежом, что он сам ясно дал понять в своем единственном интервью, которое он дал журналу «*Лайф*» в июле 1954 года, где он описал свою роль во втором батальоне 68-й пограничной дивизии. (В советских пограничных войсках не было дивизий, речь идет, вероятно, о 68-м погра-

нотряде. – прим. перев.) Действительно, хотя Бурлуцкий и учился в двух пограничных училищах, но он ничего не знал о каких-то учебных заведениях НКВД и не учился в них. После работы в колхозе Бурлуцкий был студентом ветеринарного техникума и воспользовался своими связями комсомольского функционера, чтобы поступить в пограничное училище. Его первое назначение в 1941 году было на румынской границе, но позже его перевели на Украину, где он воевал с немцами. Он также служил на Северном Кавказе, но его опыт в Чечено-Ингушской республике, где он участвовал в насильственной высылке всего населения на советский Дальний Восток в качестве наказания за сотрудничество с нацистами, и его участие в депортации в Сибирь крымских татар заставили его разочароваться в коммунизме, и он решил убежать на Запад. Возможность для этого не возникала, когда он был направлен в Восточную Пруссию и затем в Литву, но после того как он окончил высшее пограничное училище в Бабушкино, он смог выбрать для себя назначение, где ему удалось проскользнуть через границу к свободе. Хотя Бурлуцкий действительно был красноречивым свидетелем злодеяний Сталина, но у него вовсе не было каких-то знаний об учебных заведениях НКВД, и не может не возникнуть вопрос, почему Хаттон выбрал именно этого перебежчика для подкрепления своих аргументов.

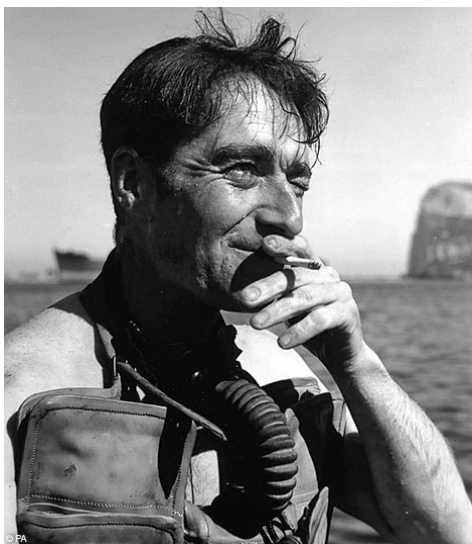
(Забавно, но в России в конце 1990-х, когда российскому читателю было доступно уже довольно много мемуаров бывших сотрудников советских спецслужб, в т.ч. и перебежчиков, отрывки из сказок Хаттона о таинственных школах КГБ и о «секс-тренировках» в них были опубликованы в русском переводе в сборниках «Всемирная история шпионажа» (издательство «Олимп», Москва, 2000 г.) и «Битвы, выигранные в постели» (издательство «Терра», Москва, 1999 г.) – и без всякого критического анализа. – прим. перев.)

Хаттон был плодовитым автором на тему шпионажа, и на протяжении всей его жизни о подлинности его информации высказывалось мало сомнений, но с течением времени стало возможно перепроверить многие из его утверждений, и в особенности исследовать фактическую основу трех из его книг: *«Шпион-водолаз»*, *«Коммандер Крэбб жив»* и *«Фальшивый перебежчик»*. Для автора, конечно, необычно написать вторую книгу по идентичной теме, даже после восьмилетнего перерыва, но когда Хаттон впервые исследовал тайну исчезновения Лайонела Крэбба, он полагался на некий российский документ, который разоблачал правду, или, по крайней мере, так он утверждал в не менее чем трех книгах.

Легководолаз Лайонел Крэбб, носивший прозвище «Бастер», происходящее от имени довоенной голливудской кинозвезды, был примечательной фигурой. Его

можно было немедленно узнать по моноклю, фетровой шляпе, бакенбардам и по его привычке носить испанскую трость с вкладной шпагой. Он работал специалистом по подводному разминированию в водах вокруг Гибралтара во время войны, и он ввел и усовершенствовал многие из методов, теперь связанных со спортивным подводным плаванием. Однако роль Крэбба заключалась в осмотре корпусов союзнических торговых судов и удалении любых магнитных и подобных мин, которые устанавливали подводные диверсанты, обычно итальянцы, действующие из Испании. За эту его деятельность Крэбба наградили Орденом Британской империи и медалью Святого Георгия. Крэбб закончил войну в Венеции, очищая порт от мин и препятствий. Позже он был прикомандирован к исследовательским лабораториям Адмиралтейства в Теддингтоне и участвовал в погружениях к погибшим британским военным кораблям - «*Truculent*», подлодке, затонувшей в устье Темзы в январе 1950 года, и «*Affray*», четыре года спустя в Ла-Манше.

Много куривший и сильно пьющий, Крэбб был слабым пловцом. Как это ни парадоксально, все считали его исключительно хорошим легководолазом-аквалангистом, и в послевоенную эру после его официальной отставки из Королевского флота в апреле 1955 года Крэбб был нанят СИС для осуществления некоторых особенно щекотливых и опасных операций. Обычно он должен был осматривать гидролокационное оборудование и гребные винты советских военных кораблей, таких как крейсер «*Свердлов*», который посетил Портсмут в октябре 1955 года. И именно во время одной такой миссии в апреле 1956 года под советским крейсером «*Орджоникидзе*», когда этот военный корабль прибыл с дружеским визитом в Портсмут, Крэбб исчез и породил этим одну из наиболее долгоживущих тайн послевоенного шпионажа.

Лайонел Крэбб (1909-1956(?)). Снимок 1944 года

Почти все события 19 апреля покрыты тайной, потому что миссия Крэбба не только закончилось бедой для него самого, но и привела к большому внутреннему политическому скандалу, внутреннему запросу о действиях СИС, который инициировал бывший Секретарь кабинета министров сэр Эдвард Бриджес, и к международному кризису, потому что на этом крейсере в Англию с официальным визитом прибыли советский премьер-министр Никита Хрущев и маршал Николай Булганин. Премьер-министр сэр Антони Иден думал, что запретил на время визита советских руководителей любые тайные операции, которые потенциально могли бы вызвать неловкую ситуацию. Но из-за стечения ряда странных обстоятельств советник министерства иностранных дел по делам СИС (сэр) Майкл Уильямс неосторожно дал главе лондонской базы СИС Николасу Эллиоту разрешение провести подводный осмотр корпуса «Орджоникидзе». Выполнения этой задачи требовало Адмиралтейство. Уильямс никогда не должен был санкционировать такую операцию, которая противоречила временному запрету, наложенному на тайные операции самим премьер-министром, но за считанные минуты до того, как Эллиот позвонил ему с просьбой о его официальном согласии, Уильямсу позвонили и сообщили, что его отец только что умер. Отвлеченный этой печальной новостью, Уильямс позволил Эллиоту приступить к выполнению его плана, что оказалось началом экстраординарной последовательности событий, которые должны были стать *громким скандалом*. Получив сигнал «вперед!», Эллиот уполномочил Теда Дэвиса, валлийского офицера военно-морского добровольческого резерва и главу военно-морской секции СИС, нанять Крэбба и подготовиться к выполнению задачи.

Дэвис сопровождал сорокашестилетнего Крэбба в Портсмут за день до того, как туда прибыли корабли, которые Крэбб должен был обследовать. Они оба зарегистрировались в отеле «Саллипорт» под своими собственными именами. В течение следующего дня, однако, Крэбб перенес незначительный сердечный приступ, но настоял на том, чтобы ему разрешили продолжить его миссию, и Дэвис, кажется, согласился. Рано утром 19 апреля они привезли снаряжение Крэбба к паромному слипу в Госпорте, и опытный ныряльщик надел свою экипировку и поплыл к крейсеру и одному из сопровождающих его кораблей, эсминцу «Смотрящий». Несколько минут спустя он возвратился, чтобы отрегулировать грузы на поясе, а затем исчез из виду. После этого его больше не видели, пока в июне следующего года близ входа в гавань Чичестера на расстоянии в двенадцать миль не было найдено лишенное головы и кистей рук тело, одетое в приметный резиновый «сухой» гидрокостюм итальянского производства. Советы подали формальный дипломатический протест, когда их часовой заметил водолаза на поверхности между двумя советскими военными кораблями, и это сделало данный вопрос достоянием общественности, вынудив Адмиралтейство признать, что Крэбб пропал без вести, предположительно на расстоянии трех миль от берега в заливе Стоукс-Бей, когда он тестировал засекреченное оборудование. А сэр Энтони Иден был вынужден в своем заявлении Палате общин 9 мая сообщить, что «то, что было сделано, было сделано без разрешения или ведома министров Ее Величества. Соответствующие дисциплинарные меры будут предприняты». Он отказался давать дальнейшие пояснения, настаивая на том, что это не было бы в национальных интересах, что еще больше подпитывало безумство самых разнообразных предположений. За кулисами Иден был в ярости и потребовал отставки руководителя СИС сэра Джона Синклера, который так или иначе был готов оставить свой пост. Другой главной жертвой оказался Тед Дэвис, который был уволен, из-за чего он жаловался, что его сделали козлом отпущения.

Спустя несколько месяцев немецкая газета «*Bild Zeitung*» сообщила, что Крэбба видели в тюрьме Лефортово в Москве, а в июне следующего года ветеран журналистики Чэпмен Пинчер написал в «*Daily Express*», что Крэбб погиб, выполняя задачу для «разведывательной службы Соединенных Штатов». Тем временем один из друзей Крэбба журналист Маршалл Пью написал книгу «*Водолаз: История командера Крэбба*», которая содержала основанный на фактах рассказ о приключениях Крэбба как легководолаза. Но автор ограничился только теми фактами, которые он смог установить, и не стал высказываться относительно каких-либо предположений, которые доминировали в прессе.

Был ли Крэбб похищен русскими? Утонул ли он под советскими военными кораблями? Действительно ли его тело было найдено несколько месяцев спустя в

Чичестере? Кто был его таинственным компаньоном, которого полиция так старалась защитить? Стояли ли американцы за этой операцией? Загадка становилась все запутаннее и, в отсутствие каких-либо официальных комментариев, Джо Хаттон написал в 1960 году, что приобрел копию секретного досье об этом деле из Москвы. Этот документ якобы был «секретно ввезен из-за Железного занавеса тайными агентами» и «достиг Великобритании в ноябре 1959 года». Предположительно написанный капитаном Г.Ф. Степановым, документ Хаттона был переведен на немецкий язык и разоблачал, что «береговой агент 02SD» был предупрежден перед миссией, и что Крэбб был перехвачен, его накачали успокоительным для путешествия в Москву, и там его допросили. Досье также включало длинную запись последующих допросов Крэбба на базе военно-морской разведки Химская и - самая большая сенсация! - оно утверждало, что Крэбб согласился поступить на службу в советский флот под псевдонимом Лев Львович Кораблёв. Под этим именем он служил на Балтике, затем в Одессе, а в сентябре 1959 года был переведен в подчинение дальневосточному командованию во Владивостоке (так было написано у самого Хаттона, имеется в виду, разумеется, Тихоокеанский флот – прим. перев.). Любопытно, что поддержка Хаттону пришла от члена парламента от Лейбористской партии Бернарда Флауда, который подтвердил подлинность досье и заявил, что один из его друзей в МИ-6 сказал ему, что оно было настоящим.

Хаттон продолжил эту историю в 1966 году в своей книге *«Коммандер Крэбб жив»*, в которой он уточнил информацию, содержащуюся в предполагаемом советском досье, и подтвердил, что компаньоном Крэбба был «Мэтью Смит» американец, которым управлял «Г-н Х», главный советский шпион в Англии. «Г-н Х» был «способным офицером разведки и пользовавшимся доверием видным чиновником Военного министерства», являясь еще и «близким другом Кима Филби».

Через Филби «Г-н Х» встретил Дональда Дуарта Маклина и Гая Фрэнсиса де Монси Бёрджесса. Их дружба укрепилась, и «Г-н Х», в конечном счете, стал «четвертым человеком» в группе Бёрджесс-Маклин-Филби. Наконец, этот квартет шпионов решил, что в нем было место и для пятого человека, Мэтью Смита - якобы офицера американской разведки – который в «московском центре советской секретной службы пользовался репутацией важного двойного агента».

Согласно Хаттону, «Г-н Х» и Смит завлекли Крэбба в ловушку, а затем замели следы. Смит умер от тяжелой болезни, и когда «Г-н Х», наконец, попал под подозрение, он сбежал из страны «и был вознагражден за свою службу тем, что

стал постоянным преподавателем в уникальной советской школе в Гатчине, где учатся главные шпионы для англоязычного мира».

Написав две книги о Крэббе, Хаттон опубликовал еще и третью в 1970 году, *«Фальшивый перебежчик»*, в которой он утверждал, что водолаз Крэбб все еще был на действительной военной службе в России. Обследованный труп, выловленный в гавани Чичестера на следующий год после исчезновения Крэбба, как утверждал Хаттон, был подменой, сброшенной в море с советской подлодки.

Можно было бы ожидать, что желание Хаттона уже в третий раз вернуться к той же самой теме было мотивировано все же какой-то более сенсационной информацией, но на самом деле *«Фальшивый перебежчик»* содержал практически идентичный текст, что и *«Коммандер Крэбб жив»*, написанный двумя годами ранее. Сравнительный анализ этих двух произведений показывает, что семнадцать глав более ранней книги дословно воспроизведены в более позднем произведении, которое также включает большой отрывок из *«Шпиона-водолаза»*.

На самом деле подробное исследование показывает, что эта третья книга содержит только десять страниц полностью нового текста, но они кажутся существенными, потому что детально занимаются источниками Хаттона. Автор идентифицирует одного из них как «г-на В.Н.», который утверждал, что встретил Крэбба в Севастополе в ноябре 1967 года, и водолаз попросил его передать весточку его друзьям в Англии. Хаттон скрыл имя своего источника, потому что это «могло привести к очень серьезному возмездию со стороны российской тайной полиции», но вместо этого воспроизвел то, что он описал как расшифровку стенограммы записи своего интервью с ним. Он также исследовал его паспорт, чтобы подтвердить, что его источник был в Советском Союзе.

Вторым источником Хаттона, ранее им не упомянутым, был «Г-н X, чиновник из-за Железного занавеса», который обладал «обширными деловыми связями со своим российским коллегой - высокопоставленным должностным лицом в управлении информации советского министерства иностранных дел». Хаттон снова настаивал на том, что «его личность не может быть раскрыта из страха репрессий тайной полиции». Но все, что он мог предложить, было утверждение, будто он однажды во время встречи с этим советским чиновником поднял тему командера Крэбба, и этот чиновник не подтвердил, но и не отрицал, что Крэбб был в Советском Союзе.

Эти воображаемые свидетели представляются совершенно неудовлетворительными, потому что ни один из них не проясняет главную теорию Хаттона, будто

бы русские «обманом привлекли Крэбба к осуществлению его подводной шпионской миссии». Это, конечно, было повторением теории автора, которую он сначала выдвинул в *«Шпионе-водолазе»*, но на сей раз в ней появились некоторые новые приукрашивающие детали. Теперь Хаттон утверждал, что британское правительство якобы знало, что Крэбб работал на советский флот, и что во время шпионского обмена в июле 1969 года - обмена лектора Джеральда Брука на советских шпионов Питера и Хелен Крогер, было достигнуто секретное соглашение не показывать Крэбба общественности в Москве.

Москва, мол, предупредила, что, если Великобритания упрямо откажется обменивать Крогеров, то командер Крэбб будет «продемонстрирован» в Москве, и ему будет разрешено пообщаться с западными журналистами и ответить на их вопросы. Великобритании сообщили, что командер Крэбб будет представлен как «капитан советского флота Краб» (фамилия Crabb сходна с английским словом «Crab» - «краб» - прим. перев.). И тогда он заявил бы, что *перешел на сторону Советского Союза*. Он назвал бы имена тех людей из командования британского военно-морского флота, правительства и офицеров разведки, которые отправили его в шпионскую миссию в портсмутской гавани, и он раскрыл бы *«другие темы»*, которые поставили бы Великобританию в неудобное положение дома и за границей.

Но могли ли что-то из этого соответствовать действительности? Теория Хаттона состояла в том, что Советы настолько стремились освободить Питера Крогера и Хелен Крогер из тюрьмы, что они использовали угрозу показать миру Крэбба как перебежчика, чтобы принудить британцев принять их предложения по обмену. Странно, хотя Хаттон увлекся этой интересной идеей в *«Фальшивом перебежчике»*, точная хронология событий подрывает ее достоверность. Крогеры (Коэны) были арестованы в январе 1961 года и в марте приговорены к двадцатилетнему заключению, таким образом, они оказались в тюрьме на восемь с половиной лет раньше, чем они были обменены на Брука в июле 1969 года. Если верно, что знания, которыми обладали Крогеры, были настолько жизненно важны для КГБ, который отчаянно пытался добиться их освобождения, тогда почему такая задержка? Хаттон утверждал, что только Крогеры «знают местонахождение многих советских агентов, которые ушли в подполье сразу после того, как Лонсдейл и Крогеры были арестованы. Целая шпионская сеть была готова и ждала в Великобритании, пока ее активизируют из Советского Союза. Но контакт мог быть установлен только через Крогеров».

Но может ли в этом быть какой-то смысл? Если КГБ действительно схватил Крэбба в 1956 году и расценивал его как полезную пешку, почему тогда рус-

ские не использовали его ценность в качестве скрытого козыря намного раньше? Конон Молодой, *нелегальный резидент* КГБ в Англии, был арестован с Крогерами в январе 1961 года, и был освобожден в результате обмена на курьера СИС Гревилу Винна в апреле 1964 года. Могло ли на самом деле быть так, что Крогеры обладали такой ценной информацией, которая была неизвестна Лонсдейлу? И если это так, почему тогда не Крогеров отобрали для этого более раннего, еще в 1964 году, обмена шпионами?

Еще одна любопытная противоречивая ложь – это роль другого «Г-на Х» из истории Хаттона, человека, которого он описал как «четвертого человека» в компании Бёрджесс-Маклин-Филби. Либо Хаттон полагал, что Крэбб был жертвой тщательно продуманного заговора, замышленного Советами, и контролировался «четвертым человеком», либо же Крэбб был неудачливым участником миссии, которой предстояло поставить британское правительство в неловкое положение, но едва ли это могло быть и то, и другое одновременно. Со временем, после того как премьер-министр Маргарет Тэтчер сообщила в ноябре 1979 года, что «четвертым человеком» был Энтони Блант, теория Хаттона выглядит еще более странной.

Несомненно, обстоятельства исчезновения Крэбба послужили тому, чтобы стимулировать возникновение самых разных предположений, так же, как и довольно неуклюжая попытка начальника уголовной полиции Портсмута детектива-суперинтенданта Стэнли Лэмпорта конфисковать страницы регистрационной книги отеля, где Дэвис (или «Смит») и Крэбб зарегистрировались под собственными фамилиями. Появилось множество теорий заговора, развивавшихся еще сильнее из-за решения засекретить соответствующие документы кабинета министров на сто лет, но ни один из «инсайдеров», посвященных лиц, не раскрывал правду, пока Питер Райт не вспомнил этот эпизод в своих печально известных мемуарах *«Охотник на шпионов»*. По версии Райта Крэбба отправили на операцию СИС, и он погиб в результате несчастного случая, после чего МИ-5 пришлось попытаться скрыть то, что произошло, убеждая уголовную полицию Портсмута устранить инкриминирующую запись в книге регистрации постояльцев отеля, где содержались настоящие имена двух ключевых участников. Эти доказательства являются существенными, потому что если не было никакого «Мэтью Смита», и если бы компаньон Крэбба из СИС Тед Дэвис использовал псевдоним, то не было бы никакой потребности посылать несчастного суперинтенданта Лэмпорта, работающего «на более высокие органы власти» и цитирующего официальный закон о государственных секретах, чтобы устранить доказательства. Проблема возникла бы только в том случае, если Дэвис использовал свое настоящее имя, и его можно было связать с правительством, или, по край-

ней мере, с СИС. Неуклюжее вмешательство Лэмпорта, организованное МИ-5 по запросу СИС, потребовалось как раз из-за того, что Дэвиса можно было так просто разоблачить. Мы также знаем из книги *«Большой провал»*, написанной Ричардом Томлинсоном, бывшим сотрудником СИС, со скандалом порвавшим с этой организацией, что Дэвис всю оставшуюся жизнь был очень обижен на СИС из-за того, как она поступила с ним, и он чувствовал, что его сделали козлом отпущения, хотя Николас Эллиот едва избежал каких-либо дисциплинарных мер после расследования, проведенного сэром Эдвардом Бриджесом. Когда Томлинсон проходил свою начальную подготовку в СИС в декабре 1991 года, на прецедент Теда Дэвиса ссылались как на пример того, как организация может потерять поддержку прежде полностью лояльного чиновника.

Сам Эллиот описал эти события в своей автобиографии 1993 года *«Моим маленьким глазом»*, в которой он объяснил, что нарушил свое молчание, «чтобы дать правдивое свидетельство и отдать должное репутации храброго офицера, который в своей специализированной области был не только мастером своего ремесла, но и очень привлекательным человеком самой большой порядочности». Эллиот особенно критиковал то, каким способом Иден обращался с этим делом, что позволило русским за последующие тридцать или около того лет периодически к своей выгоде спекулировать на этом печальном эпизоде. В прессе многих стран с регулярностью появлялись статьи с целью представить в негативном свете МИ-6 и британское правительство. Смысл их состоял в том, что неподходящий для выполнения задания человек был захвачен русскими в результате некомпетентности, с которой проводилась эта операция, и что теперь он находился в России. Это был типичный пример советской дезинформации.

Николас Эллиотт (1916-1994)

Все это служит подтверждению того, что это фиаско было одним из собственных творений СИС, и ЦРУ не принимало в этом никакого участия. Однако это также вызывает новые сомнения к необычным утверждениям Хаттона и заставляет даже задуматься о том, что он мог, вольно или невольно, действовать в качестве канала для советской дезинформации. И на самом деле уже незадолго до своей смерти в 1977 году Хаттон все еще настаивал, что находился на связи со своими первоначальными контактами, снабдившими его досье Крэбба. А в течение предыдущих трех лет он распространял историю, что Крэбб должен был быть уволен с его военно-морской службы в Советском Союзе в августе 1976 года, и затем он как свободный человек якобы должен будет обосноваться в Италии. Когда дата его отставки приблизилась, Хаттон объявил, что Крэбб, псевдоним Кораблёв, внезапно заболел в Дрездене, у него диагностировали рак, и затем в сентябре 1977 года он был переведен в санаторий на чешском курорте Карловы Вары, где и умер.

После смерти Хаттона предположениями о смерти Крэбба занялась еще одна книга, также названная *«Шпион-водолаз»*, за авторством Майкла Уэлхэма, и изданная в 1990 году, в том самом году, когда один из бывших руководителей советской военно-морской разведки Иосиф Зверкин появился из своего нового дома в Хайфе и сделал потрясающее разоблачение. Зверкин утверждал, что в 1956 году он жил в Англии под именем некоего немца и получил от надежного источника известие, что часовой на борту одного из советских военных кораблей заметил аквалангиста в воде и с расстояния всего двадцати метров выстрелил ему в голову из винтовки. Эта история кажется весьма маловероятной, поскольку такой выстрел ранним утром в портсмутской гавани услышали бы за много миль, но сам этот рассказ иллюстрирует долговечность устойчивого интереса к судьбе Крэбба.

Еще двумя запутанными моментами, дополняющими эту головоломку, является разоблачение, сделанное Питером Райтом, что член парламента Бернард Флауд, который подтверждал подлинность заявлений Хаттона, сам был советским шпионом перед Второй мировой войной. Когда, в конечном счете, МИ-5 допросила его в октябре 1967 года, Флауд совершил самоубийство, оставив свои мотивы подтверждения подлинности высказываний Хаттона необъясненными. Чтобы возвысить статус Флауда, Хаттон заявлял, что «знал, что г-н Флауд был офицером разведки в течение приблизительно десяти лет», но на самом деле Флауд провел только два года в Разведывательном корпусе (военная разведка), прежде чем поступил на службу в министерство информации в 1942 году. Зачем Хаттон преувеличивал опыт Флауда в разведке, и почему Флауд вмешивался в то, что, как верил Николас Эллиот, было классическим случаем советской дезин-

формации? Как бы то ни было, то, что СИС приобрела идентичную копию секретного досье Хаттона на Крэбба, абсолютно не соответствовало действительности, и, разумеется, ни один офицер СИС не говорил Флауду ничего подобного. Зачем же тогда Флауд использовал свой авторитет для подтверждения рассказа Хаттона? Вся эта история похожа на запутанный лабиринт. Либо Хаттон знал, что его досье было подделкой, тогда вмешательство Флауда открыто для нескольких различных интерпретаций, включая его сговор с Хаттоном. Либо же, если автор был невольным каналом для советской дезинформации, тогда почему Флауд поддержал его рассказ, если только он сам не действовал в соответствии с советскими указаниями?

Другим любопытным совпадением было существование в то же время еще одного (тогда пока еще неразоблаченного) советского шпиона, работавшего в исследовательской лаборатории Адмиралтейства, доктора Алистера Уотсона. Когда он был допрошен МИ-5, Уотсон признал, согласно рассказу Питера Райта об его допросе, что встречался с известными офицерами советской разведки, которые действовали в советском посольстве под дипломатическим прикрытием, но отрицал, что когда-либо передавал им какие-то секретные данные.

Были ли русские заранее проинформированы о намерении СИС провести тайный осмотр корпуса крейсера «Орджоникидзе», остается сомнительным, но внутри самой СИС никогда не существовало никаких сомнений в том, что Крэбб умер в результате несчастного случая, и что это было его тело, которое было похоронено на кладбище Милтон в Портсмуте, в могиле, на которой указано его имя. Во время своего последнего погружения на нем была кислородно-дыхательная аппаратура, разработанная для использования в бою, которая не выпускала заметных в воде пузырей и была полностью безопасной до глубины тридцати трех футов, но если опуститься немного глубже, то кислород становился ядовитым. Посчитали очень вероятным, что Крэбб, возможно, нырнул поглубже, чтобы лучше рассмотреть корпус корабля, и затем у него возникли проблемы, после чего он был отнесен течением и утонул. Вне зависимости от точных обстоятельств его гибели дело Крэбба вызвало большие политические и дипломатические проблемы, но, судя по дневникам Гарольда Макмиллана, в которых тот прокомментировал, что «приказ премьер-министра был или отвергнут, или от его выполнения уклонились, или же он просто не был передан исполнителям», можно с уверенностью сказать, что решение осуществить эту операцию было принято в СИС, и не было «подброшено» каким-то советским шпионом, не говоря уже о «четвертом человеке» Хаттона.

Однако не все утверждения Хаттона были полностью необоснованными, потому что советский перебежчик из КГБ Анатолий Голицын заявил в декабре 1961 года, что КГБ действительно получил предупреждение о намерениях СИС. Если к достоверности свидетельств Голицына и следовало бы относиться со значительными сомнениями, поскольку его впоследствии обвиняли в приукрашивании информации, чтобы сделать себя более привлекательным для его контролеров в ЦРУ, но никогда не возникало никаких вопросов о роли Хаттона как выдумщика-мистификатора.

Но почему Хаттон, как кажется, предпочитал выдумки реальности? Четкий ответ, увы, трудно найти, потому что, живя в Уэртинге на южном побережье Англии со своей женой, дочерью и двумя сыновьями, он умер в 1977 году, не оставив объяснений. Его наследием является единственная крупнейшая коллекция полностью фальсифицированных книг на тему разведки. Очевидно, вызывающее безудержный восторг у Хаттона очарование мира шпионажа и разведки оказало отрицательное влияние на его семью, поскольку его сын был в 1990 году признан виновным в крупномасштабном отмывании денег и контрабанде наркотиков. И его защитник, королевский адвокат лорд Карлайл, заявил тогда в защиту своего клиента, бывшего уличного торговца, что Алан Хаттон находился под неблагоприятным влиянием карьеры своего отца.

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив](#) сайта!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).